

На правах рукописи

Нестик Тимофей Александрович

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГРУППОВОГО
ОТНОШЕНИЯ К ВРЕМЕНИ**

Специальность 19.00.05 – социальная психология
(психологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Москва

2015

Работа выполнена в лаборатории социальной и экономической психологии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт психологии Российской академии наук»

Официальные оппоненты: **Аксеновская Людмила Николаевна**
доктор психологических наук, доцент, декан факультета психологии ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».

Березина Татьяна Николаевна
доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии ГБОУ ВПО г. Москвы «Московский городской психолого-педагогический университет».

Скрипкина Татьяна Петровна
доктор психологических наук, профессор, декан факультета гуманитарных наук НОУ ВПО «Университет Российской академии образования».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социологии Российской академии наук»

Защита состоится 13 апреля 2015 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 002.016.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте психологии Российской академии наук по адресу: 129366, Москва, ул. Ярославская, д.13, корп.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии Российской академии наук: www.ipras.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор психологических наук

М.И. Воловикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность исследования. Появление новых технологий, ускорение изменений, увеличение числа рисков и неопределенности делают время все более важной категорией общественного сознания.

С одной стороны, растет значимость времени как все более ограниченного ресурса совместной деятельности. Ускорение темпа жизни и «упразднение» пространства информационными технологиями предъявляют к совместной деятельности особые требования, при которых способность группы к эффективному управлению временем становится одним из ключевых факторов успешности. Возрастание значимости времени как ресурса совместной деятельности приводит к тому, что психологическое отношение к времени членов группы все больше влияет на внутригрупповые отношения.

С другой стороны, переживаемый сегодня обществом «футуршок» обостряет внимание личности к временным аспектам своей групповой идентичности, заставляет задумываться о прошлом и будущем тех социальных групп, к которым мы себя относим. Временные категории играют все более существенную роль в формировании групповой идентичности, время превращается в ключевое измерение социальности. Наличие времени как ресурса жизнедеятельности и доступ к средствам конструирования коллективной истории становятся все более важными мерилami социального престижа и одновременно признаками социального расслоения.

Быстрые изменения и высокая неопределенность, рост социальной напряженности и глобализация рисков обуславливают растущую потребность в диалоге о совместном прошлом и будущем, способах согласования различных групповых образов «коллективной судьбы». Коллективные риски требуют от современных групп и организаций способности расширить временные рамки своего существования: глубже видеть свое прошлое и дальше заглядывать в будущее. В условиях непрерывных изменений личность, различные группы и организации, общество в целом нуждаются в способах овладения своим временем. Иными словами, интеграция группового прошлого, настоящего и будущего в представлениях членов группы становится важным условием коллективной субъектности.

Наконец, переход к групповым формам прогнозирования (форсайт, рынки прогнозирования, краудсорсинг и т.п.) делает востребованным изучение социально-психологических механизмов, лежащих в основе формирования групповых представлений о прошлом и будущем, а также влияния формирующегося группового отношения к будущему на интегрированность группы и эффективность совместной деятельности.

Несмотря на относительную многочисленность работ в данной области, до сих пор не предложено концепции, описывающей структуру отношения к времени в группах и увязывающей ее с собственно групповыми социально-психологическими процессами. Основное внимание исследователей сосредоточено на инструментальных аспектах отношения к времени в группах, то есть на роли отношения к времени в организации совместной деятельности, решении групповых или организационных задач. Между тем, связь отношения к времени в группе с процессами социальной интеграции и дифференциации остается практически не исследованной. До сих пор остается нераскрытой и социально-психологическая структура отношения к времени в социальных группах.

Цель исследования заключается в разработке основ нового научного направления - социально-психологической концепции группового отношения к времени (его структуры, функций, характеристик, типов и механизмов детерминации).

Объект исследования – социально-психологическая структура группового отношения к времени, факторы и механизмы его детерминации.

Предмет диссертационного исследования – общие закономерности, факторы и механизмы социально-психологической детерминации группового отношения к времени. В качестве наиболее значимых анализируются механизмы групповой идентификации и межгруппового сравнения, групповой рефлексии и обмена опытом, коллективных эмоциональных состояний, влияния лидера на группу.

Основная теоретическая гипотеза исследования. Групповое отношение к времени определяется механизмами социальной интеграции и дифференциации, и включает в себя 1) отношение к времени как ресурсу совместной жизнедеятельности и 2) отношение к значимым для данной группы событиям прошлого, настоящего и будущего. Компоненты группового отношения к времени оказывают влияние на эффективность совместной деятельности, выполняют ряд социально-психологических функций.

Эмпирические гипотезы исследования:

1. Отношение к времени как ресурсу совместной деятельности и отношение к коллективному прошлому, настоящему и будущему включают ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные и конативные компоненты.

2. Компоненты группового отношения к времени детерминируются процессами социальной интеграции.

3. Компоненты группового отношения к времени оказывают влияние на эффективность совместной деятельности и выполняют регуляторную, сплачивающую и защитную функции.

4. Значимыми детерминантами группового отношения к времени являются как объективные временные характеристики совместной деятельности (скорость, продолжительность), так и социально-психологические (групповая идентичность, доверие, групповые ценности, лидерство, коллективные эмоциональные состояния), организационные (организационная культура, сфера деятельности), экономические и культурные факторы.

5. Отношение членов группы к совместному будущему связано с личностными характеристиками (особенности индивидуальной временной перспективы; уровень толерантности и ксенофобии, доверие людям и миру, ценностные ориентации, особенности личной сети контактов и ориентация на долгосрочные отношения).

6. Отношение к времени связано с механизмами межгруппового сравнения. Характеристики отношения к времени своей и чужих групп участвуют в процессах межгрупповой стереотипизации.

Объект, предмет, цель и гипотезы исследования обусловили постановку и решение следующих **задач**:

1. В рамках нового научного направления провести междисциплинарный анализ методологических, теоретических и концептуальных основ и очертить основные направления исследования отношения к времени в социальных группах.

2. Систематизировать и обобщить научные представления о групповом отношении к времени как феномене и научной категории.

3. Разработать концептуальную социально-психологическую модель отношения к времени в социальных группах, раскрыть его основные компоненты, характеристики и функции.

4. Осуществить системный социально-психологический анализ детерминации, механизмов и факторов отношения к времени в социальных группах.

5. Разработать комплекс методик и методических приемов, направленных на изучение отношения к времени в социальных группах.

6. Осуществить проверку теоретической и эмпирической обоснованности модели структуры отношения к времени в социальных группах и его компонентов.

7. Определить природу взаимосвязи между социально-психологическими характеристиками личности и группы и характеристиками их отношения к времени.

8. Выявить закономерности и механизмы детерминации отношения к времени в социальных группах.

Методологическую основу исследования составили фундаментальные положения системного (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.А. Барабанщиков, В.А. Бодров, Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, и др.), субъектного (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко и др.) и психосоциального (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.Л. Журавлев и др.) подходов в психологической науке.

Теоретической основой исследования послужили положения отечественной психологии отношений (А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова, В.П. Позняков, И.Р. Сушков, А.С. Чернышев и др.), исследований культурно-исторической обусловленности психики (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, М. Коул, В.П. Зинченко, А.Г. Асмолов, М.И. Воловикова, Н.Н. Лебедева, Д.А. Леонтьев, А.В. Сухарев и др.), теория социального познания (Г.М. Андреева, А.А. Бодалев, Дж. Брунер, Т.П. Емельянова, С. Московиси и др.), теория социальной идентичности и межгрупповых отношений (В.С. Агеев, Е.П. Белинская, О.А. Гулевич, Н.Л. Иванова, Н.М. Лебедева, В.П. Позняков, Е.Н. Резников, Г.У. Солдатова, В.А. Соснин, Т.Г. Стефаненко, И.Р. Сушков, Дж. Тернер, Г. Тэжфел, Е.И. Шлягина и др.), отечественные и зарубежные исследования в области организационной психологии, корпоративной культуры и лидерства (А.Б. Купрейченко, Е.А. Аксеновская, Т.Ю. Базаров, А.И. Донцов, А.Л. Журавлев, А.Н. Занковский, Р.Л. Кричевский, Е.Б. Моргунов, Дж. Кузес, С.А. Липатов, Б. Познер, В.А. Хащенко, Р. Хаус, Б. Шамир, В.А. Штроо и др.); отечественные исследования, посвященные психологии доверия (В.П. Зинченко, А.Б. Купрейченко, И.В. Антоненко, Т.П. Скрипкина) отечественная традиция исследования профессиональной деятельности в условиях изменений, а также исследования временных факторов трудовой деятельности (А.А. Алдашева, А.А. Грачев, В.А. Денисов, Е.П. Ермолаева, А.А. Обознов, Д.А. Ошанин, Д.Н. Завалишина, А.Н. Лебедев, Ю.К. Стрелков, В.А. Толочек и др.); исследования в области социальной и коллективной памяти (М. Хальбвакс, А.В. Полетаев, Дж. Верч, Т.П. Емельянова, В.В. Нуркова и др.), социальной психологии знаний (К. Арджирис, Т. Давенпорт, К. Вайк, Т.Е. Андреева, А.Л. Журавлев, А.В. Сергеева, А.В. Юревич и др.); концептуальные положения отечественной и зарубежной психологии времени (К. Левин, Ж. Нюттен, К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, А.К. Болотова, Е.И. Головаха, Ф. Зимбардо, В.А. Ковалев, А.А. Кроник и др.).

Методы исследования включают идеографический и номотетический подходы. Основными методами эмпирического исследования выступали контент-анализ, структурированное интервью, фокус-группы, анкетный опрос, ассоциативный метод, психологическое тестирование, а также комплекс авторских методик для анализа и измерения отношения к времени в социальных группах. Для обработки данных использовались следующие статистические процедуры: описательная статистика, корреляцион-

ный, кластерный, факторный, конфирматорный, регрессионный виды анализа, методы структурного моделирования, непараметрические приемы анализа с применением пакета статистических программ SPSS 17.

Эмпирическая база исследования. В исследовании, которое проводилось в 2001 – 2013 гг., на разных этапах приняли участие в общей сложности 4078 человек в возрасте от 16 до 65 лет, сотрудники российских частных и государственных организаций, представители социальных групп российского общества, выделенные по принципу возраста, этнической и профессиональной принадлежности, экономического статуса.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования. Впервые предложена социально-психологическая концепция отношения к времени в группах и организациях, учитывающая как объективные временные характеристики совместной жизнедеятельности, так и психологическое время членов группы, как внутригрупповые, так и межгрупповые отношения; впервые выделены структура и механизмы формирования группового отношения к времени, определены его социально-психологические функции; вводится ряд новых социально-психологических понятий (групповая временная перспектива, социально-временная дистанция, социально-временные стереотипы, ретроспективная и проспективная групповая рефлексивность); впервые эмпирически выделены типы групповой временной перспективы, проведен социально-психологический анализ феномена коллективного образа будущего.

Практическая значимость результатов исследования: 1) понимание психологических механизмов формирования представлений социальных групп о своем прошлом, настоящем и будущем необходимо для налаживания диалога о национальном будущем России, для социальной рефлексии и выявления общих опасностей, предотвращения общенациональных и глобальных угроз; 2) в еще большей степени потребность в социально-психологической концепции группового отношения к времени чувствуется в организационной психологии, так как групповое отношение к времени является важным фактором успешности организационных изменений, организационного научения, управления организационной культурой. Результаты исследования могут быть использованы в рамках проектов консультационного сопровождения организационных изменений и развития организационной культуры, а также при разработке учебных программ по организационной психологии, управлению временем, принятию управленческих решений, социальной психологии малых и больших групп, психологии лидерства.

Положения, выносимые на защиту:

1. Групповое отношение к времени – это особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени совместной жизнедеятельности, которые характерны для членов определенной социальной группы. Детерминация отношения к времени в социальных группах и его роль в межличностном, внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии являются основной проблемой самостоятельного научного направления - социальной психологии времени, объединяющей психологические аспекты организации совместной деятельности во времени с феноменами отношения группы к своему прошлому, настоящему и будущему.
2. Социально-психологическая структура отношения группы к времени включает в себя два основных феномена 1) отношение к времени как ресурсу совместной жизнедеятельности и 2) отношение к значимым для данной группы событиям прошлого, настоящего и будущего. Каждый из этих двух феноменов группового отношения к времени включает в себя ценностно-мотивационные, когнитивные,

эмоционально-оценочные и конативные компоненты, которые несводимы к особенностям индивидуального переживания, осознания и организации времени.

3. В системе психологических отношений группы отношение к времени выполняет три основные функции: регуляторную, сплачивающую и защитную. Отношение к времени как к ресурсу выполняет две основные функции: нормативно-регулирующую и функцию социального сравнения. Оно помогает его членам координировать свои действия в ходе совместной деятельности, а также может выступать в качестве основания для межгрупповой стереотипизации.
4. Групповая временная перспектива играет важную роль в социальной интеграции организации, выполняя несколько функций. Во-первых, она сплачивает группу через формирование представления об общей судьбе, общем прошлом, общих возможностях и рисках в будущем. Во-вторых, она выполняет функцию поддержания позитивной социальной идентичности сотрудников, высвечивая в прошлом и будущем те эпизоды, которые подкрепляют их положительную самооценку. В-третьих, она способствует адаптации к новому, облегчая принятие организационных изменений, обеспечивая преемственность в развитии организации, увязывая новые задачи с уже имеющимся опытом. В-четвертых, она поддерживает легитимность власти групповых лидеров.
5. Основными факторами группового отношения к времени являются индивидуальные (отношение личности к времени, социальная идентичность, ценностные ориентации), внутригрупповые (уровень доверия в группе, групповые ценности), межгрупповые (уровень напряженности межгрупповых отношений), социетальные (ценности и нормы культуры в отношении времени, политическая и социально-экономическая ситуация в стране), а также ситуационные (уровень неопределенности и скорости изменений внешней среды, временные характеристики решаемой задачи).
6. Наиболее важными психологическими механизмами формирования группового отношения к времени являются: 1) синхронизация ритмов совместной деятельности в ответ на объективные требования внешней среды; 2) групповая рефлексия совместного прошлого, настоящего и будущего; 3) формирование коллективных целей (в том числе через трансляцию лидером своего видения будущего остальным членам группы); 4) механизмы формирования коллективных эмоциональных состояний (эмоциональное заражение, распространение историй и слухов в межличностном общении); 5) поддержание позитивной идентичности через конструирование представлений о совместном прошлом и будущем, а также стереотипизацию групповых характеристик отношения к времени в своей и чужой группах. Под влиянием данных механизмов повышение позитивной оценки будущего и уточнение коллективных целей приводит к росту ценности времени как ресурса совместной жизнедеятельности, а также повышению требовательности группы к планированию совместной деятельности и соблюдению намеченных сроков.
7. Системообразующую роль в формировании групповой временной перспективы играет коллективный образ будущего, в частности оценка членами группы возможности влиять на будущее, отчетливость коллективных целей и оценка группового будущего. Фаталистическое и негативное отношение группы к совместному будущему приводит к росту ориентации группы на прошлое, снижению ценности времени как ресурса. Коллективные страхи и надежды по поводу будущего различаются по содержанию и выполняют разные социально-психологические функции. Коллективные страхи относительно однообразны и

включают в себя наименее желательные сценарии развития событий. Коллективные надежды, напротив, более разнообразны и прагматичны. Страхи выполняют функцию мобилизации коллективных ресурсов и адаптации к изменениям в условиях высокой неопределенности, тогда как надежды выполняют функцию сохранения позитивной идентичности и являются основой для планирования жизнедеятельности.

8. Функционируют три механизма формирования образа коллективного будущего: 1) групповая идентификация на основе формируемого лидерами позитивного образа совместного будущего (лидерского видения); 2) групповая рефлексия по поводу совместного будущего; 3) коллективные тревожные состояния и защитные механизмы, запускаемые воспринимаемой угрозой существованию группы.
9. Социальные группы со сбалансированным типом групповой временной перспективы (позитивным отношением к коллективному прошлому, настоящему и будущему) отличаются наиболее высоким уровнем социальной интеграции и результативности.
10. Групповое отношение к времени связано с процессами межгруппового сравнения и межгрупповой стереотипизации. Оценка членами группы социально-временных различий между своей и чужой группами (социально-временная дистанция) зависит от уровня межгрупповой напряженности. При этом особенности отношения к времени в своей и чужой группах могут восприниматься с значительными искажениями. Индикаторами социально-временной дистанции являются 1) воспринимаемая степень общности своего будущего с будущим других категорий людей, а также 2) социально-временные стереотипы – представления об отношении к времени в своей и чужой группах.

Достоверность и надежность полученных результатов обеспечена: теоретико-методологической проработанностью проблемы; системной организацией эмпирических исследований, комплексностью используемых в них программ и методов исследования; репрезентативностью выборки; сочетанием качественного и количественного анализа эмпирических данных и их статистической обработкой, адекватной цели, предмету и задачам исследования.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты и положения работы обсуждались на заседаниях лаборатории социальной и экономической психологии, на методологическом семинаре, на ежегодных итоговых научных конференциях Института психологии Российской академии наук. Результаты, полученные в диссертационном исследовании, были представлены на следующих международных, научных и научно-практических конференциях: the 28th International Congress of Psychology (Beijing, 2004); конференция «Психология и психопатология терроризма» (Санкт-Петербург, 2004); II Международный конгресс конфликтологов (Санкт-Петербург, 2004); IV Конгресс Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество» (Ростов-на-Дону, 2007); Всероссийская научная юбилейная конференция, посвященная 35-летию Института психологии Российской академии наук и 80-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова «Тенденции развития современной психологической науки» (Москва, 2007); IV Всероссийский съезд психологов образования России «Психология и современное российское образование» (Москва, 2008); 10-я юбилейная конференция «Экономическая психология: актуальные теоретические и практические проблемы» (Иркутск, 2009); Всероссийская научная конференция «Интеллект и творчество: научные традиции и современные исследования» (Москва, 2010);

VIII международный научно-практический междисциплинарный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление» (Москва, 2011); V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество» (Москва, 2012); Международная научно-практическая конференция «Психология управления в современной России: процессы труда и организации» (Тверь, 2012); the 1st International Conference on Time Perspective (Coimbra, 2012); the 13th European Congress of Psychology (Stockholm, 2013); the 28th International Congress of Applied Psychology (Paris, 2014); the 2nd International Conference on Time Perspective (Warsaw, 2014).

Результаты и выводы исследования применяются при чтении учебных курсов «Психология времени», «Социальная психология», «Кросс-культурная психология», «Организационное поведение», «Социальная антропология и психология организационной культуры», «Методы фасилитации в организационном развитии» в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, НИУ «Высшая школа экономики», АНО ВПО «Московский гуманитарный университет», Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ФГБОУ ВПО «Государственный академический университет гуманитарных наук». Материалы диссертации отражены в 91 публикации, общим объемом более 70 п.л., в том числе в трех монографиях.

Структура и объем диссертации. Диссертация включает введение, три раздела (четырнадцать глав), выводы, заключение и список литературы (802 источника, из них 496 – на иностранных языках). В тексте имеются 70 таблиц, 14 рисунков и диаграмм.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** выделяется научная проблема и обосновывается актуальность исследования, раскрываются его теоретико-методологические основы, определяются объект, предмет, цели, задачи, гипотезы и методы. Формулируются положения, выносимые на защиту, показывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, описывается его выборка. Определяются основные проблемы исследований в рамках нового научного направления.

Раздел I «Теоретический анализ отношения группы к времени как социально-психологического феномена» (состоит из 5 глав) посвящен рассмотрению теоретико-методологических подходов к пониманию и исследованию отношения к времени в социальных группах, а также построению его теоретической модели.

Глава 1 «Проблема группового отношения к времени в социальной психологии» включает анализ предмета и основных проблем социальной психологии времени (параграф 1), а также анализ состояния исследований группового отношения к времени в социальной психологии (параграф 2).

Ключевой проблемой социальной психологии времени являются предпосылки отношения к времени в социальных группах и его роль в межличностном, внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии.

Предметная область социальной психологии времени включает в себя целый ряд феноменов. Во-первых, это особенности индивидуального отношения к времени, проявляющиеся в результате взаимодействия членов группы друг с другом (например, различия в индивидуальном отношении к времени может служить одной из причин конфликтов по поводу организации совместной деятельности); во-вторых, объективная пространственно-временная организация межличностного и межгруппового взаимодействия, влияющая на социально-психологические характеристики группы (например, влияние продолжительности, темпа и ритма совместной деятельности на сплоченность группы и удовлетворенностью совместной деятельностью); в-третьих,

особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени в групповом сознании и совместной деятельности, не сводимые к характеристикам субъективного времени отдельной личности (например, внимание к времени и его ценность в организационной культуре, содержание коллективной памяти и групповые представления о будущем).

В зарубежной социальной психологии наиболее ранними работами по изучению группового отношения к времени стали исследования переживания времени безработными (Jahoda et al., 1933). Проблема отношения группы к времени была поставлена К. Левиным в 1942 г. в связи с анализом устойчивости социальной группы перед лицом внешних угроз ее существованию: углубление своей истории в прошлое и будущее, расширение временного горизонта, в котором осмысливается происходящее, оказывается ценным ресурсом жизнестойкости (Левин, 2000 [1942]).

В 1950-1970-е гг. проблема группового отношения к времени затрагивалась в работах по психологии классов и социально-экономических групп (LeShan, 1952; Ellis et al., 1955; Green, Roberts, 1961; Judson., Tuttle, 1966; Kendall, Sibley, 1970; O'Rand, Ellis, 1974; Schmidt, 1976). В качестве самостоятельной тема времени в зарубежной социальной психологии стала разрабатываться только с середины 1980-х годов (McGrath, Kelly, 1986; The Social Psychology of Time, 1988). Впервые понятие «социальная психология времени» использовали Дж. Маграт и Дж. Келли, понимая под ним изучение влияния повторяющихся объективных циклов человеческого поведения на восприятие и организацию времени малыми группами (McGrath, Kelly, 1986; Futoran et al., 1989; McGrath, 1991).

С конца 1980-х годов исследование социально-психологической проблематики времени идет нарастающими темпами. Наиболее динамично оно развивается в трех областях: организационной, экономической и кросс-культурной психологии.

Отечественные психологи неоднократно признавали необходимость изучения группового отношения к времени, указывая на необходимости учитывать при анализе личностного времени влияние групповых факторов (Абульханова, 2003), необходимость выявления специфики представлений о времени в различных социальных группах (Головаха, Кроник, 1988), необходимость сравнительной социальной психологии времени (Петровский, 2006).

Косвенно проблематика отношения к времени в группе была затронута в исследованиях, посвященных стадиям развития коллектива (Л.И. Уманский, А.В. Петровский, А.И. Донцов, Р.Л. Кричевский, А.Л. Журавлев и др.), а также в работах по изучению временной организации индивидуальной и совместной профессиональной деятельности (Д.А. Ошанин, В.А. Денисов, Д.Н. Завалишина, А.Н. Лебедев, Ю.К. Стрелков, В.А. Толочек, Е.В. Шилова и др.).

Непосредственно к данной проблеме российские социальные психологи стали обращаться лишь в последние 20 лет в связи с социальной памятью (исследования В.В. Нурковой, Р.А. Ахмерова и др.), временными аспектами идентичности (Е.П. Белинская, С.А. Минюрова, Л.Л. Плеханова и др.), временной структурой межличностных взаимодействий (Болотова, 1994; 1997; 2006).

Отношение к времени в группе рассматривается как один из феноменов психологии социального познания (Андреева, 2000). С проблематикой отношения к времени в группах тесно связаны исследования социальных представлений об исторических событиях (Емельянова, 2002, 2003, 2006, 2009; Кузнецова, 2013 и др.) и представлениям о времени в различных религиозных конфессиях (Воловикова, 1997; Виценко, 2005). Показана связь отношения крупных социальных групп к прошлому и будущему с вос-

приятием социально-экономических изменений (Муздыбаев, 2000; Наумова, 1997; Лычковская, Баш, 1998; Наумова, Пригожин, Горяинов, 2000; Попова, 1999; Левада, 2006; Гудков, 2010; Дубин, 1996, 2001, 2011; Зарубин, Сырцова, 2013; Емельянова, Дробышева, 2013 и др.).

Анализ современной отечественной и зарубежной научной литературы, посвященной социально-психологическим аспектам времени, позволяет выделить *семь основных теоретических направлений исследования отношения к времени в социальных группах*.

Первое из них можно назвать *«системно-динамическим»* (McGrath, Kelly, 1986; Kozlowski et al., 2001; Ancona et al., 2001; Arrow et al., 2004; Roe et al., 2012; Mathieu et al., 2014 и др.). Оно сформировалось в области теории малых групп и опирается на представление о совместной деятельности как о циклическом процессе. Центральной научной проблемой в данном подходе является *влияние объективной временной организации совместной деятельности на внутригрупповые процессы*. *Отношение группы к времени* здесь трактуется как предпочитаемый или нормативно заданный способ организации действий во времени, т.е. предпочтение определенных ритма, темпа и продолжительности взаимодействия.

Второе направление можно назвать *«ресурсным»* (Gersik, 1991; Seers, Woodruff, 1997; Waller et al., 2002; Gevers et al., 2009; Mohammed, Nadkarni, 2011; Mohammed, Alipour, 2014 и др.). Основным для этого направления является положение о том, что *оценка временных интервалов членами группы оказывает влияние на групповую динамику*. Теория получила развитие в работах, посвященных представлениям участников совместной деятельности о ее временной структуре – графиках, конечных сроках, ритмах. *Отношение группы к времени* трактуется здесь как групповые особенности оценки временных интервалов и предпочтения членов группы в распределении временных ресурсов, согласование которых является важной задачей лидера группы.

Третье направление можно назвать *коммуникативным*. Оно восходит к интеракционистской парадигме в социальной психологии: ключевым теоретическим положением здесь является тезис о том, что время группы символически конструируется в ходе внутригрупповой коммуникации и межличностных отношений (Clayman, 1989; Zuccheromaglio, Talamo, 2000; Ballard, Seibold, 2003; Ryan, 2008; Gómez, Ballard, 2013 и др.). *Отношение группы к времени* понимается здесь как специфические способы координации совместных действий во времени, вырабатываемые в процессе коммуникации.

В центре внимания четвертого, *кросс-культурного* направления (Levine, 1997; Arman, Adair, 2012; Fulmer et al., 2014; Лебедева, Татарко, 2009; Шилова, 2005 и др.) – *влияние культурных особенностей отношения к времени на эффективность совместной деятельности*. Успешность совместной деятельности зависит от того, сумеют ли члены культурно разнородной группы адаптироваться к особенностям друг друга и выработать новые групповые нормы отношения к времени. *Отношение группы к времени* здесь рассматривается как система групповых представлений о природе времени, а также культурно обусловленные особенности отношения представителей группы к прошлому и будущему.

Пятое, *«коммеморативное»* направление представлено исследованиями коллективной памяти. Изучается роль памяти в поддержании позитивной групповой идентичности (Pennebaker, Banasik, 1997; Wertch, 1992; Middleton, Brown, 2005; Емельянова, 2009 и др.), формировании сообществ и легитимации власти (Olick, Robbins, 1998; Zerubavel, 2003; Хобсбаум, 2000; Андерсон, 2000 и др.). В данном направлении *групповое отношение к времени* выступает как представления о коллективном прошлом, яв-

ляющие основой для социальной идентификации, формирования «мнемонических» и «воображаемых» сообществ.

Шестое направление, которое условно можно назвать «*визионерским*», связано с исследованиями в области лидерского и командного видения (Nanus, 1992; Thoms, 2004; Kouzes, Posner, 2009 и др.), понимаемого как эмоционально окрашенный образ коллективного будущего, формируемый лидером и разделяемый членами группы. Отношение группы к времени рассматривается здесь с точки зрения формирования и согласования представлений членов группы о совместной судьбе, целях совместной деятельности и ожидаемых будущих событиях.

Наконец, в исследованиях седьмого направления, которое можно назвать «*футурологическим*», групповое отношение к времени рассматривается как ориентация организаций и сообществ на будущее: формирование коллективных представлений о рисках (Вилдавски, 2003; Joffe, 2003; Tonna et al., 2006; Юревич, Цапенко, 2010 и др.), направленность руководителей и всей организационной культуры на предвосхищение изменений, чувствительность к «слабым сигналам» приближающихся долгосрочных возможностей и рисков (Das, 2004; Rohrbeck, 2011; Souder, Bromiley, 2012; Slawinski, Bansal, 2013 и др.).

В отличие от перечисленных теоретических направлений мы разрабатываем *социально-интегративный подход*, в центре внимания которого находится роль отношения к времени в процессах социальной интеграции и дифференциации (формирования доверия и социального капитала, групповой идентичности, обмена опытом и групповой рефлексии, межгруппового сравнения и др.). Восприятие, переживание, осмысление и организация времени в группе рассматриваются здесь на основании концепции психологических отношений, с учетом ценностно-мотивационного, когнитивного, эмоционально-оценочного и конативного компонентов отношения к времени (Нестик, 2003, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014; Нестик, Жукова, 2011; Нестик, Митькина, 2013).

Состояние социально-психологических исследований отношения к времени в группах характеризуется концептуальной разрозненностью, ограниченностью лишь одним определенным уровнем социально-психологического анализа, слабо проработанным и противоречивым понятийным аппаратом. Зарубежные социальные психологи сосредоточены в основном на изучении отношения к времени в организациях и его влиянии на эффективность совместной деятельности, тогда как отечественные - на внутриличностных и макропсихологических аспектах отношения к времени. Наименее представленным в современной социальной психологии времени оказались групповой и межгрупповой уровни анализа.

Глава 2 «Подходы к изучению группового отношения к времени в социологии и культурной антропологии» представляет собой анализ подходов к изучению структуры группового отношения к времени (параграф 1), а также механизмов его формирования (параграф 2) в культурной антропологии и социологии.

Наиболее распространенный подход к анализу группового отношения к времени основан на категориях профанного (линейного, динамичного) и сакрального (циклического, мифологического, статического, генеалогического) образов времени (А. Юбер, М. Мосс, М. Элиаде). В различных вариантах эта оппозиция прослеживается в большинстве культурно-антропологических работ, посвященных отношению к времени в культурных группах (Эванс-Притчард, 1985; Леви-Стросс, 1983; Bloch, 1977; Leach, 1961; Gellner, 1964; Geertz, 1973; Gell, 1992). Особенностью данных концепций является стремление реконструировать отношение к времени в группах через анализ группового сознания.

Принципиально иной подход сформулирован социологами П. Сорокиным, Р. Мертоном и Ж. Гурвичем, с точки зрения которых отношение к времени в социальных группах является частью социального времени – времени совпадения и рассогласования социальных процессов (Gurvitch, 1964); изменения одних социальных явлений по отношению к другим (Sorokin, Merton, 1937). Соответственно, основными категориями анализа и сопоставления представлений о времени в социальных группах становятся продолжительность, скорость и ритмичность различных групповых процессов (Zerubavel, 1976; Lauer, 1980; Штомпка, 1996). Главным недостатком подавляющего большинства этих классификаций является отсутствие разграничения между объективными временными характеристиками социальных процессов, с одной стороны, и субъективным их отражением в групповом сознании – с другой.

Другой подход сформировался в рамках символического интеракционизма Дж.Г. Мида и понимающей социологии А. Шюца, а также в современном социальном конструкционизме: групповое отношение к времени здесь понимается как конструирование совместной временной перспективы, связывающей членов группы как современников (Mead, 1932; Schütz, Luckmann, 1970; Gergen, 1997 и др.).

В целом, проведенный нами анализ культурно-антропологических и социологических исследований позволяет сделать вывод о том, что групповое отношение к времени формируется на основе восприятия, переживания и осмысления объективных ритмов совместной жизнедеятельности. При этом ключевое место в структуре группового отношения к времени занимает совместная временная перспектива, конструируемая в межличностном дискурсе.

Глава 3 «Исследования группового отношения к времени в экономических науках и теории организаций» посвящена рассмотрению подходов к изучению группового отношения к времени в экономической теории (параграф 1) и теории организаций (параграф 2).

Групповое отношение к времени в экономике изучается в рамках двух основных подходов. Первый из них направлен на исследование закономерностей поведения коллективных экономических субъектов в условиях неопределенности и постоянных изменений (Shackle, 1961; Tsoukas, 2004; Канеман и др., 2005; Талеб, 2009 и др.). Второй подход получил распространение в исследованиях поведения потребителей, отношение которых к времени рассматривается сквозь призму принятия решений о распределении времени как ограниченного ресурса (Soule, 1955; Беккер, 1996; Linder, 1970; Hornik, 1984; Gross, 1987 и др.). В экономической психологии получила признание точка зрения, согласно которой коллективные представления о прошлом и ожидания в отношении будущего определяют ориентацию на потребительскую и сберегательную активность, отношение к кредитам и предпринимательство (Katona, 1975; Etzioni, 1991).

Анализ проблемы времени в экономических науках и экономической психологии показывает, во-первых, что отношение к времени признается все более важным фактором поведения коллективных экономических субъектов; во-вторых, что отношение к времени как экономическому ресурсу в социальных группах не только связано с ценностями самой группы, ее коллективной памятью и ожиданиями, но и обусловлено внешними институциональными факторами, формируется экономическими циклами, институтами рынка, национальной и корпоративной культурой.

В теории организаций изучение группового отношения к времени представлено двумя теоретическими подходами: «ньютонианским» и конструкционистским.

В рамках «ньютонианского» подхода основной темой исследований является организация времени как ресурса совместной деятельности, а также ее влияние на эффек-

тивность организации и внедрение изменений (McGrath, Rotchford, 1983; McGrath, Kelley, 1986; Hassard, 1989). Организация анализируется как совокупность повторяющихся циклов совместной деятельности, которые должны быть синхронизированы друг с другом (Ancona, Chong, 1992; Ancona, Chong, 1996; Ancona et al., 2001).

В 1980–1990-х годах в социологии и психологии управления на смену ньютонианской концепции времени пришла *конструкционистская концепция времени в организации*, которая исходит из того, что время имеет социальную природу и представляет собой систему отсчета, которая конструируется группой в процессе совместной деятельности для координации действий (Clark, 1982; Clark, 1985). В рамках этого подхода можно выделить несколько ключевых тем: отношение к времени как характеристика организационной культуры и субкультур отдельных подразделений (Zerubavel, 1981; Dubinskas, 1988; Barley, 1988; Шейн, 2003; Schriber, Gutek, 1987; Bluedorn et al., 1995; Bluedorn, 2000; Onken, 1999; Perlow, 2001 и др.), конструирование организационного времени в межличностном дискурсе (Zuccheromaglio, Talamo, 2000; Ylijoki, Mantyla, 2003 и др.), влияния отношения к времени в управленческих командах на стратегию организации (Mosakowski, Earley, 2000) и организационное научение (Butler, 1995; Fischer et al., 1997; Kurgu, 2004), а также влиянию новых технологий на организацию и осмысление времени в организациях (Harvey, 1989; Hassard, 2001; Lee, 1999; Sawyer, Southwick, 2002 и др.).

Как показывает проведенный нами анализ, при всей многочисленности исследовательских направлений в области изучения времени в организации до сих пор здесь не выработано ни единой терминологии, ни теоретических моделей, которые бы объединяли различные временные аспекты организации. Авторы рассмотренных нами концепций часто путают организационно-экономические условия деятельности (временная последовательность рабочих смен или взаимодействия между функциональными подразделениями, аллокация рабочего времени, степень независимости работников при распределении времени) и психологические характеристики группы (пунктуальность, ориентация на будущее). Основное внимание исследователей по-прежнему привлекает к себе проблема организации времени. Несмотря на признание социального характера времени и преобладание конструкционистской парадигмы в исследованиях, связь отношения к времени в организациях с процессами социальной интеграции остается крайне малоизученной.

Глава 4 «Психологические исследования отношения к времени в малых группах» посвящена рассмотрению собственно социально-психологических подходов к анализу структуры группового отношения к времени (параграф 1), а также исследований влияния объективных временных факторов на групповую динамику (параграф 2).

Различные исследователи пытались по-своему описать и классифицировать феноменологию отношения к времени в малых группах: графики и сроки окончания работ, границы между рабочим и нерабочим временем, аллокация рабочего времени, пунктуальность, ориентация на будущее, одновременное или последовательное выполнение задач и т.д. (Schriber, Gutek, 1987; Lee, Liebenau, 2000 и др.); синхронизация ритмов в межличностном взаимодействии, формальные и неформальные временные нормы (Blount, Janicik, 2001; Waller et al., 2002 и др.); полихронность, ценность времени, гибкость в планировании (Ballard, Seibold, 2000 и др.); кодификация опыта прошлого и согласованность представлений о совместном будущем (Butler, 1995; Fischer et al., 1997; Kurgu, 2004); типы временных циклов совместной деятельности по интенсивности и степени разнородности решаемых задач (Ballard, 2009); ориентация группы на

внешние ритмы или на формирование внутренних психологических ритмов для достижения напряженных коллективных целей (Pina e Cunha, 2009).

Значительная часть социально-психологических работ посвящена изучению влияния объективных временных характеристик совместной деятельности на групповую динамику (Fischer et al., 1997; Lawrence, Lorsch, 1967; Dubinskas, 1988; Onken, 1999; Sahay, 1997; Lee, Liebenau, 2000; McGrath, 1991; Ballard, Seibold, 2000; Ballard, Seibold, 2003; Gersick, 1989; Lim, Murnighan, 1997; Waller et al., 2002; Kerr, Tindale, 2004; Roe et al., 2012; Mathieu et al., 2014 и др.).

В большинстве подходов к выделению структуры группового отношения к времени феномены социальной психологии времени рассматриваются только в контексте продвижения группы к цели и адаптации к окружающей среде, которые требуют от коллектива согласованности действий во времени. Связь группового отношения к времени с интеграцией группы, поддержанием социальной идентичности остается совершенно не исследованной.

Анализ социально-психологических исследований отношения к времени в малых группах показывает, что объективные временные характеристики совместной деятельности отождествляются здесь с предпочитаемыми группой способами организации времени. До сих пор остается теоретически не решенным вопрос о том, как объективные временные характеристики совместной деятельности (продолжительность, последовательность, темп и т.п.), а также особенности группового отношения к времени как ресурсу влияют на отношение сотрудников организации к ее прошлому и будущему.

Глава 5 «Структура, функции и детерминация группового отношения к времени» посвящена анализу группового отношения к времени с точки зрения отечественной теории психологических отношений (параграф 1), выделению его ключевых феноменов, описанию его теоретической структуры (параграф 2), а также выделению механизмов и факторов его формирования (параграф 3).

Отношение к времени может рассматриваться как форма психологических отношений. Категория психологических отношений развивалась в общей психологии в трудах А.Ф. Лазурского, В.М. Бехтерева, М.Я.Басова и В.Н. Мясищева (Левченко, 2003). Развитие концепции психологических отношений в социальной психологии происходило благодаря работам К.К. Платонова, Б.Ф. Ломова, П.Н. Шихирева, А.Л. Журавлева, В.П. Познякова, И.Р. Сушкова и др. Для психологических отношений характерны осознанность, направленность, активность, стабильность, - по сравнению с психологическими состояниями и процессами, - а также пластичность, - по сравнению с психологическими свойствами (Позняков, 2002; 2012; 2013).

Как и другие виды психологических отношений, отношение к времени может выступать и как переживание, и как представление (Платонов, 1972, с. 95). Например, отношение к времени проявляется в переживании его как медленного или стремительного, осмысленного или бессмысленного, наполненного событиями или пустого (Нюттен, 2004). Вместе с тем, время может представляться как циклическое или линейное, разрушающее или исцеляющее, управляемое или неподвластное управлению и т.д. (Block, Buggie, 1996).

Групповое отношение к времени отличается от индивидуального прежде всего тем, что в его основе лежит переживание и осознание членами группы своей общности на основе сходства психологических отношений (Сушков, 1999; Позняков, 2012) - в том числе отношения к времени как ресурсу совместной деятельности, а также как к совместному прошлому, настоящему и будущему. Такие психологические отношения носят повторяющийся, социально-типичный характер, поэтому в социальных науках

они нередко служат основанием для классификации социального времени или даже самих социальных групп.

Групповое отношение к времени характеризуется избирательностью (направленностью на временные характеристики и явления, значимые для данной группы) и рефлексивностью (члены группы оценивают себя сквозь призму совместного прошлого, настоящего и будущего). Оно подразумевает оценку и репрезентацию включенных во время социальных объектов в форме разворачивающихся процессов. То есть члены группы формируют отношение друг к другу и к другим группам не как к застывшим точкам, а как к линиям, векторам изменений.

Отношение к времени является социально-психологическим в том смысле, что ценность времени совместной деятельности, значимость совместного прошлого, оценка совместного будущего и другие феномены группового отношения к времени являются проявлением отношения членов группы друг к другу, к своей и чужой группам. Через временные категории в межличностном и межгрупповом взаимодействии осуществляется социальная категоризация и социальное влияние.

Отношение к времени в группе понимается нами как осознаваемые в той или иной степени, относительно устойчивые особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени, которые характерны для членов определенной социальной группы и проявляются 1) в отношении к времени как ресурсу совместной жизнедеятельности и 2) в отношении к значимым для данной группы событиям прошлого, настоящего и будущего.

Каждый из этих двух основных феноменов включает в себя ценностно-мотивационные, когнитивные, эмоционально-оценочные и конативные компоненты, которые несводимы к особенностям индивидуального переживания, осознания и организации времени (см. табл. 1). Несмотря на сходство некоторых из феноменов индивидуальной и социальной психологии времени (например, временная ориентация, временная перспектива), в основе их формирования лежат разные психологические механизмы.

Табл. 1. Феномены индивидуального и группового отношения к времени

	Индивидуальное отношение к времени	Групповое отношение к времени	
		Отношение к прошлому, настоящему и будущему (групповая временная перспектива)	Отношение к времени как ресурсу жизнедеятельности
Ценностно-мотивационные компоненты	• Смысложизненные ориентации • Временная ориентация личности • Субъективная значимость времени как невосполнимого ресурса	• Временная ориентация группы • Коллективные цели и планы • Групповые мечты	• Групповые темпоральные идеалы • Ценность времени как ресурса совместной деятельности

Когнитивные компоненты	• Содержание временной перспективы личности / представления личности о своем жизненном пути (в т.ч. автобиографическая память, жизненные планы) • Временные аспекты идентичности	• Протяженность групповой временной перспективы • Содержание коллективной памяти и коллективного образа будущего • Социально-временная идентичность	• Групповые представления о природе времени • Групповые представления о временных характеристиках социальных процессов и явлений • Социально-временные авто- и гетеростереотипы
Аффективные компоненты	• Валентность отношения личности к времени и отдельным его модусам • Тревога по поводу собственного будущего • Удовлетворенность своей успешностью в управлении временем	• Валентность отношения членов группы к прошлому, настоящему и будущему своей и чужих групп • Коллективные переживания по поводу совместного прошлого (празднование, оплакивание, чувства стыда или вины и др.) • Коллективные страхи в отношении будущего	• Групповая оценка эффективности организации времени совместной деятельности
Конативные компоненты	• Предпочитаемые личностью способы организации своего времени (индивидуальный стиль организации времени, временная компетентность личности, полихронность и т.п.)	• Ориентация на обмен опытом совместной жизнедеятельности • Ретроспективная и проспективная групповая рефлексивность	• Предпочитаемые членами группы способы использования времени как ресурса совместной деятельности

Отношение к времени как ресурсу и групповая временная перспектива имеют свои *социально-психологические функции*.

Отношение к времени как к ресурсу, т.е. имплицитные нормы, ценности и представления, регулирующие организацию времени в группе, выполняет две основные функции: *нормативно-регулирующую* и *идентификационную*. Оно помогает ее членам координировать свои действия в ходе совместной деятельности, а также служит одним из маркеров отличия их группы от других групп и организаций, оно может выступать в качестве основания для социальной категоризации и социального сравнения.

Групповая временная перспектива играет важную роль в социальной интеграции организации и выполняет несколько функций. Во-первых, она *сплачивает* группу через формирование представления об общей судьбе, общем прошлом, общих возможностях и рисках в будущем, – что, в свою очередь, облегчает формирование групповых ценностей и межгрупповую категоризацию. Во-вторых, она выполняет функцию *поддержания позитивной социальной идентичности* членов группы, высвечивая в прошлом и будущем те эпизоды, которые подкрепляют их положительную самооценку. С этой функцией связана и *функция совладания с групповой травмой* (например, через переосмысление или забвение внутригрупповых конфликтов, неудач при попытке достижения коллективных целей и т.п.). В-третьих, она способствует *адаптации к новому*, облегчая общественные и организационные изменения, обеспечивая преемственность в развитии группы, увязывая новые задачи с уже имеющимся опытом. В-

четвертых, она *поддерживает легитимность* власти группового лидера, оправдывает нестандартные и непопулярные действия руководителей конечной целью, ради которой они предпринимаются.

I. Среди компонентов группового отношения к времени, которые можно отнести к *ценностно-мотивационным*, нами выделяются несколько основных. Во-первых, это *временная ориентация* группы – большая или меньшая значимость прошлого, настоящего, будущего для членов группы. Во-вторых, это *коллективные цели и планы*, придающие значимость будущему: разделяемые членами группы образы потребного будущего группы, включающие понимание этапов его достижения, объединяющие и координирующие усилия группы в ходе совместной деятельности. В-третьих, *групповые мечты*, то есть представления членов группы о желательных для группы событиях будущего, которые не предполагают немедленной и полной реализации в действительности. В-четвертых, *групповые темпоральные идеалы* – разделяемые членами группы представления о желательных, но недостижимых в полной мере временных характеристиках физических, биологических и социальных процессов. В-пятых, субъективную *ценность совместного (рабочего, игрового, учебного) времени* для членов группы.

II. *Когнитивные* компоненты группового отношения к времени разнообразнее и труднее поддаются классификации. Мы выделяем среди них общие для индивидуального и группового уровня анализа характеристики (*временную перспективу и представления о природе времени*), а также специфически групповые (*временную идентичность, временные нормы, групповые представления о временных характеристиках процессов и явлений, временные авто- и гетеростереотипы*).

Групповая временная перспектива – отношение членов группы к прошлому, настоящему и будущему своей группы. Основными содержательными компонентами групповой временной перспективы являются *коллективная память* и *коллективный образ будущего*. *Коллективная память* – совокупность 1) представлений об эмоционально значимых событиях прошлого, разделяемых членами социальной группы, а также 2) культурных практик, посредством которых эти представления конструируются в ходе межличностной коммуникации, поддерживаются и передаются от старшего поколения («старожилов» группы) к младшему («новичкам»). *Коллективный образ будущего* – совокупность представлений о будущем, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе.

Групповые представления о природе времени – разделяемые представителями культурной или религиозной группы представления о характеристиках феномена времени: управляемости и предсказуемости, цикличности или линейности, равномерности, конечности, обратимости, принуждающем характере влияния на человека, необходимости рационального использования и т.д. (Воловикова, 1997; Виценко, 2005; Block, Buggie, 1996; Rubin, Belgrave, 1999).

Социально-временная идентичность – осознание человеком своей групповой принадлежности через временные категории: исторической эпохи, поколения, возраста и др. (Андреева, 2000; Белинская, 1999), представление об общности судьбы (Campbell, 1958). Важную роль в формировании социально-временной идентичности играет *социально-временная дистанция* – субъективная оценка членами группы социально-временных различий между своей и чужой группами, проявляющаяся в готовности признавать другие группы частью своего прошлого, настоящего и будущего (например, «наше время» / «их время», «ретрограды» / «прогрессивные силы»).

Можно говорить о существовании специфических для группы *представлений о длительности, последовательности, темпе и ритме объективных природных и соци-*

альных процессов, разворачивающихся в настоящее время на уровне межличностного взаимодействия, внутри группы или организации, в межгрупповом взаимодействии и на уровне всего общества. В коммуникации и совместной деятельности они служат точками отсчета при соотнесении индивидуальных временных перспектив, ориентирами при координации действий.

К когнитивным компонентам группового отношения к времени относятся *социально-временные авто- и гетеростереотипы* – разделяемые членами группы представления о своей и чужих социальных группах с точки зрения включенности во временную структуру объективных социальных процессов и явлений, а также групповых особенностей отношения к времени (например, представления об отношении к времени в различных возрастных, этнических и др. группах).

III. К *аффективным* компонентам группового отношения к времени, можно отнести четыре. Во-первых, это *валентность отношения членов группы к прошлому, настоящему и будущему своей и чужих групп* – положительная, нейтральная или негативная оценка прошлого, настоящего и будущего своей и чужих групп. Во-вторых, это *коллективные переживания по поводу совместного прошлого* – коллективные эмоциональные состояния, вызванные воспоминаниями о совместном прошлом. В-третьих, это *коллективные страхи по поводу будущего* – тревожные и панические состояния, переживаемые членами группы при обсуждении возможных событий будущего, которые могут негативно сказаться на их жизнедеятельности. В-четвертых, это *субъективная удовлетворенность организацией времени как ресурса совместной жизнедеятельности*.

IV. Наконец, среди *конативных* компонентов группового отношения к времени следует выделить готовность членов группы обмениваться опытом коллективного прошлого, рефлексивность группы, а также предпочтения, в соответствии с которыми группа организует время совместной жизнедеятельности.

Во-первых, это *готовность членов группы обмениваться опытом коллективного прошлого* – ориентация на обмен воспоминаниями о прошлом и знаниями, накопленными в ходе совместной деятельности.

Во-вторых, это *рефлексивность группы* – ориентация группы на критическое осмысление результатов совместной деятельности, поиск новых путей решения задачи, планирование и анализ совместных действий, приводящие к более глубокому пониманию членами группы сложившейся ситуации (West, 1996). По аналогии с индивидуальной управленческой рефлексивностью (Карпов, 2003), могут быть выделены ретроспективная и проспективная групповая рефлексивность.

В-третьих, это *групповые нормы использования времени как ресурса совместной деятельности* – нормы, регламентирующие планирование времени совместной деятельности, соотношение между рабочим и личным временем, пунктуальность, полихронность и т.п. Групповые нормы отношения к времени регулируют распоряжение временем, стандартные последовательность, длительность, темп и ритм действий при осуществлении той или иной деятельности.

Выделены несколько групп факторов, влияющих на отношение к времени в группе (см. рис. 1).

Рис. 1. Концептуальная схема формирования группового отношения к времени и его влияния на социальную интеграцию

Среди основных *факторов* группового отношения к времени выделяются личностные, межличностные, групповые, межгрупповые, социетальные, а также ситуационные.

К *личностным* факторам относятся личностные характеристики членов группы: отношения личности к времени (в т.ч. временная перспектива), ценностные ориентации, характеристики социальной идентичности, характеристики лидерского видения.

К *межличностным* факторам относятся прежде всего совместимость характеристик индивидуального отношения к времени в диаде, а также характеристики социальной сети, в которой обсуждается совместное прошлое, настоящее и будущее.

К *групповым* факторам можно отнести характеристики групповой идентичности, уровень доверия в группе, сплоченность, разнообразие состава группы, особенности групповой динамики (стадия развития группы) и коммуникативную структуру, групповые ценности (организационная культура), групповые эмоциональные состояния.

Межгрупповые факторы включают в себя социальное сравнение, оценку успешности межгруппового взаимодействия, феномены ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации, межгрупповые стереотипы.

К *социетальным* факторам относятся прежде всего ценности и нормы культуры в отношении времени, политическая и социально-экономическая ситуация в стране и ее отражение в СМИ.

Наконец, к *ситуационным* факторам можно отнести уровень неопределенности и скорости изменений внешней среды, временные характеристики решаемой задачи (скорость получения обратной связи в ответ на действия группы, взаимозависимость действий членов группы во времени, зависимость успешности деятельности от ее скорости и т.д.), а также продолжительность существования группы.

Выделяются ряд поведенческих, когнитивных и аффективных *механизмов* формирования группового отношения к времени. К *поведенческим механизмам* относятся синхронизация ритмов совместной деятельности в ответ на объективные требования внешней среды, синхронизация индивидуальных ритмов жизнедеятельности и координация усилий членов группы в ходе планирования и реализации совместных действий. К *когнитивным механизмам* формирования отношения группы к времени мы относим: 1) идентификацию на основании общего прошлого и (или) общих условий жизнедеятельности в будущем; 2) формирование коллективных целей (в том числе через трансляцию лидером своего видения будущего остальным членам группы); 3) поддержание позитивной идентичности через конструирование представлений о совместном прошлом и будущем, а также стереотипизацию групповых характеристик отношения к времени; 4) групповую рефлексию совместного прошлого, настоящего и будущего. К *аффективным механизмам* формирования отношения группы к времени можно отнести: 1) генерализацию оценки отдельных событий на все коллективное прошлое, настоящее или будущее; 2) управление ужасом конечности существования через включение личностью себя в историю группы; 3) эмоциональное заражение при тревожных состояниях, связанных с коллективным будущим; 4) сложные коллективные переживания, опосредованные культурными орудиями (катарсис, примирение, траур, поминовение и оплакивание, ознаменование и празднование и т.п.). Изменение временной перспективы группы под влиянием данных механизмов приводит к изменению отношения к времени как ресурсу совместной жизнедеятельности: оно может восприниматься как более или менее ценное, группа может быть более или менее требовательной к его планированию, соблюдению намеченных сроков.

Раздел II «Эмпирическое исследование факторов и механизмов формирования группового отношения к времени» включает четыре главы.

В главе 6 «Структура и факторы группового отношения к времени в организациях» описывается концептуальная схема исследования отношения к времени в организациях (параграф 1), рассматриваются эмпирические доказательства взаимосвязи компонентов структуры группового отношения к времени (параграф 2), выделяются характеристики организационной культуры, влияющие на групповое отношение к времени (параграф 3).

Для изучения феноменов группового отношения к времени нами был разработан ряд авторских методик: авторская анкета «Временные характеристики организационной культуры», опросник «Временная ориентация организационной культуры», методики «Социально-временная дистанция», «Линия жизни организации» (Нестик, 2011), «Ориентация на обмен знаниями» (Нестик, Журавлев, 2010), опросник «Групповая рефлексивность» (Нестик, 2012). В авторской модификации использовались методики «Лидерское видение» П.Томс и «Формирование командного видения» Дж. Кузеса и Б. Познера, «Круги» Т.Коттла, «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна, «Временные аттитюды» Ж.Нюттена, «Организационное настроение» А.И.Пригожина.

Для эмпирической проверки связи между компонентами группового отношения к времени были использованы данные двух наших исследований. Для подтверждения структуры группового отношения к времени как ресурсу совместной деятельности использовалась выборка из 586 работников и руководителей московских компаний (49% - рядовые работники; 28% - руководители низового и среднего звеньев; 23% - топ-менеджеры; 52% - мужчины, 48% - женщины; средний возраст – 29 лет). Для подтверждения структуры групповой временной перспективы использовалась выборка из 443

работников и руководителей частных компаний г. Москвы (N=443; 23% - рядовые работники; 48% - руководители низового и среднего звеньев; 29% - топ-менеджеры; 56% - мужчины, 44% - женщины; средний возраст – 32 года).

Результаты структурного моделирования взаимосвязи компонентов отношения к времени как ресурсу совместной деятельности представлены на рис. 2. Модель соответствует всем основным статистическим критериям пригодности: $X^2 = 59,8$; $p = 0,01$; $df = 37$; $CMIN/DF = 1,6$; $CFI = 0,900$; $RMSEA = 0,021$; $PCLOSE = 1$.

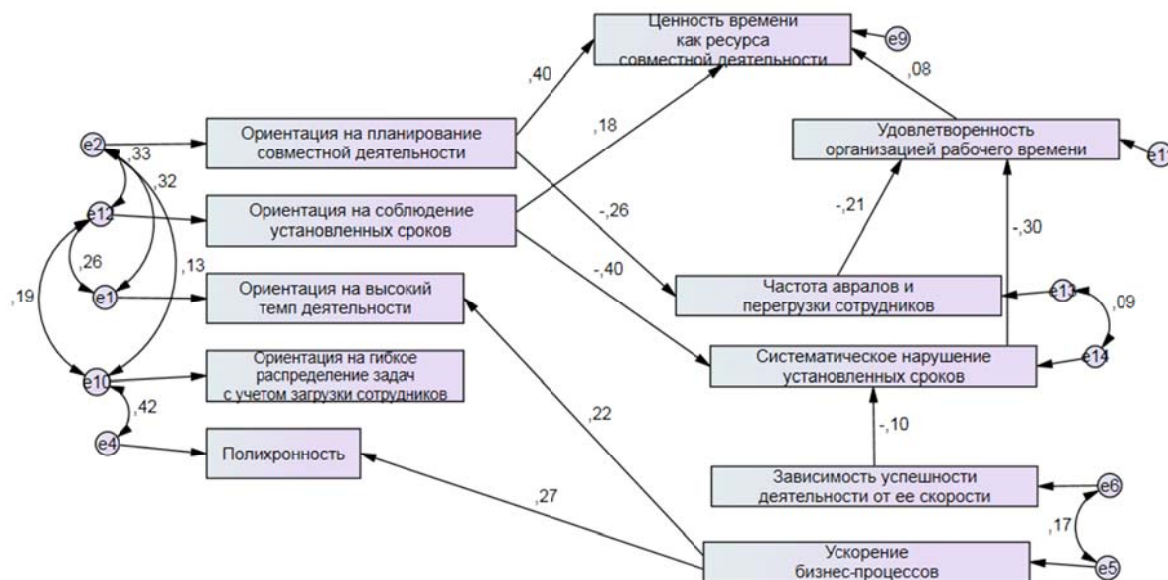

Рис. 2. Модель взаимосвязи компонентов группового отношения к времени как ресурсу совместной деятельности (приведены стандартизированные коэффициенты регрессии, $p < 0,001$).

Как видно из модели, ключевую роль в социально-психологической структуре отношения к времени как ресурсу играют представления об объективных временных условиях успешности совместной деятельности. Воспринимаемое ускорение процессов внутригруппового и межгруппового взаимодействия при решении производственных задач (ускорение бизнес-процессов, зависимость успешности деятельности от ее скорости) повышает ориентацию трудовых коллективов на высокий темп деятельности ($R = 0,22$), а также полихронность ($R = 0,27$), то есть выполнение нескольких задач в одно и то же время. Ориентация на соблюдение сроков и планирование совместной деятельностью снижает воспринимаемую частоту авралов, перегрузок и сорванных сроков ($R = -0,26$ и $R = -0,40$). Частота авралов и несоблюдение сроков, то есть групповые представления о степени ритмичности и скоординированности совместных действий, влияют в свою очередь на аффективную оценку организации времени совместной деятельности ($R = -0,21$ и $R = -0,30$). Наконец, ориентация группы на планирование совместной деятельности и стремление соблюдать договоренности по срокам обостряют оценку ограниченности и ценности времени как ресурса совместной деятельности ($R = 0,40$ и $R = 0,18$). При этом чем более члены группы удовлетворены организацией времени своей совместной деятельности, тем бережнее они относятся к времени друг друга, тем более они склонны видеть в нем ценный ресурс совместной деятельности. Напротив, высокая интенсивность авралов приучает сотрудников к бессмысленности экономии времени: время для них обесценивается.

Результаты структурного моделирования взаимосвязи компонентов отношения к времени как ресурсу совместной деятельности представлены на рис. 3. Модель хорошо

соответствует всем основным статистическим критериям пригодности: $X^2 = 73,4$; $p = 0,001$; $df = 37$; $CMIN/DF = 1,9$; $CFI = 0,962$; $RMSEA = 0,015$; $PCLOSE = 1$.

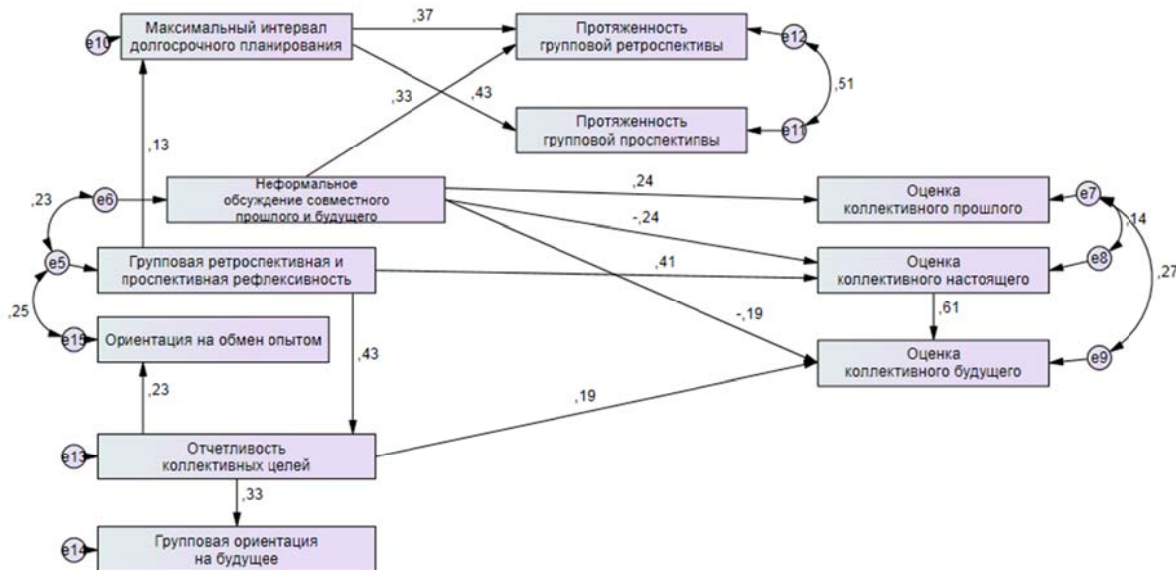

Рис. 3. Модель взаимосвязи компонентов групповой временной перспективы (приведены стандартизированные коэффициенты регрессии, $p < 0,001$).

Наиболее весомый вклад в формирование отношения к прошлому, настоящему и будущему в структуре групповой временной перспективы вносят ценностно-мотивационные и конативные ее компоненты, связанные с тремя различными социально-психологическими процессами. Во-первых, это групповая идентификация на основе общих целей. Во-вторых, это групповая рефлексия и обмен знаниями, которые носят рациональный, инструментальный характер и направлены на повышение эффективности совместной деятельности. В-третьих, это процесс эмоционального заражения в ходе неформального обсуждения совместного прошлого и будущего, которое имеет динамику коллективных тревожных состояний.

Отчетливость коллективных целей облегчает групповую идентификацию на основании образа желаемого будущего организации, сформированного через влияние лидеров или в ходе группового обсуждения: формирование четких совместных целей повышает ориентацию группы на будущее ($R = 0,33$). Групповая рефлексивность повышает способность коллектива находить положительные стороны и возможности в настоящем ($R = 0,41$), повышая тем самым позитивную аффективную оценку настоящего и будущего. В ходе совместного анализа будущих рисков и возможностей коллективные цели уточняются и становятся психологически более близкими ($R = 0,43$), что также влияет на позитивную оценку совместного будущего ($R = 0,19$). Одним из следствий уточнения коллективных целей оказывается большая готовность членов группы делиться друг с другом опытом ($R = 0,23$), так как опыт прошлого оказывается востребованным для будущего, задействуется для решения конкретных задач. Именно групповая рефлексивность позволяет коллективу расширять горизонт планирования, ставить все более отдаленные цели, что в свою очередь повышает протяженность групповой временной перспективы ($R = 0,37$ и $R = 0,43$).

Напротив, неформальное обсуждение совместного прошлого и будущего усиливает негативную оценку коллективного будущего ($R = -0,19$). Оно возникает в ситуациях тревоги и дефицита информации о происходящих изменениях и выполняет две социально-психологические функции. Во-первых, оно защищает позитивную идентич-

ность группы за счет положительной оценки совместного прошлого ($R = 0,24$) и расширения ретроспективы ($R = 0,33$), то есть актуализации коллективной памяти. Во-вторых, оно помогает группе мобилизоваться в условиях неопределенности за счет негативной оценки настоящего ($R = -0,24$) и актуализации коллективных страхов по поводу будущего.

Результаты линейного регрессионного анализа свидетельствуют о наличии ряда связей между отношением группы к времени как ресурсу и ее временной перспективой.

Конативные компоненты отношения к времени как ресурсу влияют на аффективные и когнитивные компоненты временной перспективы. Так, ориентация на планирование совместной деятельности и соблюдение сроков побуждают группу учитывать совместный опыт и таким образом увеличивают значимость коллективного прошлого ($\beta = 0,296$ и $\beta = 0,285$). Ориентация на совместное планирование, по-видимому, подкрепляет уверенность членов группы в достижимости целей и возможность влияния на будущее, тем самым оно повышает позитивную оценку будущего ($\beta = 0,293$) и протяженность временной перспективы ($\beta = 0,392$). Кроме того, чем выше оценивается скорость обратной связи от руководства, тем интенсивнее поддерживается актуальность и отчетливость коллективных целей ($\beta = 0,269$) и тем меньше ориентация группы на настоящее ($\beta = -0,348$).

Групповая временная перспектива оказывает влияние на ценностно-мотивационный компонент отношения к времени как ресурсу: чем позитивнее оценка совместного будущего и отчетливее коллективные цели, тем более ценным ресурсом для группы становится время ($\beta = 0,138$ и $\beta = 0,271$).

Как показал регрессионный анализ, наиболее важными *социально-психологическими факторами отношения к времени как ресурсу* являются социальная интеграция (общность ценностей, ориентация на командную работу, сплоченность, доверие), ориентация организационной культуры на клиентов, а также предпринимательские ценности и делегирование полномочий.

С помощью регрессионного анализа нами были выявлены *факторы, влияющие на групповую временную перспективу* в организации. Было эмпирически подтверждено влияние на характеристики групповой временной перспективы таких социально-психологических феноменов, как социальная интеграция (групповая идентификация, общность ценностей, групповое доверие), групповая рефлексия, коллективные эмоциональные состояния, а также формирование лидерами коллективного видения будущего и характеристики корпоративной культуры.

Также эмпирически подтверждено *влияние группового отношения к времени на оценку эффективности совместной деятельности* (общая оценка эффективности организации, доля рынка и рост прибыли, качество продукции / услуг, разработка новой продукции и услуг, удовлетворенность сотрудников).

Помимо эмпирической проверки нашей модели структуры группового отношения к времени, наше исследование включало в себя задачу проверки двух дополнительных гипотез: во-первых, отношение к времени в организации различается в зависимости от характеристик организационной культуры; во-вторых, отношение к прошлому, настоящему и будущему организации взаимосвязано с уровнем социальной интеграции в организации (силой организационной культуры и уровнем доверия).

В исследовании приняли участие сотрудники 64 российских коммерческих организаций ($N = 614$, 40% – торговые компании, 15% – добывающие и производственные, 15% – телекоммуникационные, 15% – организации сферы услуг, 5% – транспортные).

В каждой организации были опрошены от 4 до 60 человек. Также единицей анализа выступали сотрудники и руководители российских организаций (N = 693, 22% – рядовые работники, 33% – руководители низового и среднего уровней, 45% – топ-менеджеры и собственники). Таким образом, в исследовании приняли участие в общей сложности 1307 человек (средний возраст – 35 лет, 45% – мужчины, 55% – женщины).

Результаты проведенных нами эмпирических исследований отношения к времени в организациях позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, характеристики отношения к времени как ресурсу связаны с характером совместной деятельности и внутригрупповыми отношениями. В частности, ценность времени как ресурса в организации тем выше, чем короче ее бизнес-цикл, чем более автономны сотрудники при организации своего времени и чем выше уровень доверия в коллективе. Полихронность прямо связана со скоростью бизнес-цикла, ориентацией сотрудников на высокий темп деятельности и с выраженностью ориентации на рыночную организационную культуру.

Во-вторых, существует взаимосвязь между типологическими характеристиками организационной культуры и отношением к времени в организации. Ориентация на органическую организационную культуру прямо связана с высокой оценкой способности коллектива придерживаться установленных сроков, удовлетворенностью организацией времени в компании, высокой ориентацией на работу в быстром темпе. Ориентация на инновационную культуру связана с низкой пунктуальностью сотрудников. Ориентация на рыночную культуру связана с высокой ценностью времени, высокой полихронностью при организации деятельности и высокой пунктуальностью. Наконец, ориентация на бюрократическую культуру связана с более долгосрочной ориентацией при планировании деятельности, но при этом с высокой частотой авралов и перегрузки сотрудников, низкой ценностью времени.

В-третьих, ориентация на будущее при принятии управленческих решений, значимость будущего компании для сотрудников, а также понимание сотрудниками долгосрочных целей компании прямо взаимосвязаны с уровнем внутриорганизационного доверия.

В-пятых, чем выше социальная интеграция организации (сила организационной культуры, ориентация на ценности взаимной поддержки, уровень доверия и организационной идентичности), тем более связаны между собой корпоративное прошлое и будущее в представлениях ее сотрудников, тем более значимыми, близкими и позитивными они воспринимаются, тем выше готовность сотрудников обмениваться опытом.

Глава 7 «Факторы отношения к времени в сфере экономического поведения» посвящена анализу отношения к времени как ресурсу в крупных социально-экономических группах. Анализируется влияние отношения к времени на экономическое поведение, выделяются основные психологические функции отношения личности и группы к времени в экономической деятельности (параграф 1), описываются результаты эмпирического исследования отношения к времени среди групп россиян, различающихся по субъективному экономическому статусу (параграф 2).

Среди феноменов группового отношения к времени наиболее весомое влияние на активность потребительского, инвестиционного и предпринимательского поведения оказывают ценность времени и позитивная оценка будущего членами группы группой. Эмпирические исследования, проведенные нами в 2002 г. (жители г. Ярославль, репрезентативная выборка, N=389) и 2008 г. (студенты московских ВУЗов, N=128) показали, что отношение к времени как ресурсу в больших социальных группах подчиняется тем же закономерностям, что и отношение к деньгам: они зависят от субъект-

ности, то есть оценки членов группы своей способности изменить свое социально-экономическое положение, повлиять на свое будущее.

Глава 8 «Межгрупповое сравнение как фактор отношения к времени» посвящена анализу роли временных категорий в формировании групповой идентичности (параграф 1), рассмотрению на основании историко-этнографического материала способов противопоставления своей и чужой группы во времени (параграф 2), а также результатам эмпирического исследования межгрупповых социально-временных стереотипов в массовом сознании (параграф 3) и в российских организациях (параграф 4).

Разграничение «Мы» и «Они» с помощью временных категорий – один из фундаментальных социокогнитивных механизмов межгрупповой дифференциации (Андрева, 2000; Fabian, 1985).

Анализ роли временных категорий в процессах межгрупповой дифференциации позволил нам сформулировать понятие *социально-временной дистанции*, то есть оценки членами группы социально-временных различий между своей и чужой группами. Одним из показателей социально-временной дистанции является *воспринимаемая степень общности своего будущего с будущим других категорий людей*. Эмпирическое исследование, проведенное в 2009 г. в рамках изучения социального капитала российской молодежи в 8 российских регионах (N=635; средний возраст 18,7), позволило нам выделить три фактора, описывающие оценку студентами степени близости своего будущего и будущего других людей. Аналогично социальной дистанции, нами были получены три зоны «социально-временной дистанции»: в первую вошли люди, которые относятся к одному поколению и движутся по схожим карьерным траекториям, тогда как будущее людей из третьей зоны оценивалось как наиболее далекое, несхожее с собственным будущим (Нестик, 2008).

На основании теоретического анализа можно выделить три социально-психологических механизма, влияющих на формирование представления об общности своего и чужого будущего. Во-первых, это механизм социальной категоризации и идентификации: чем больше мы идентифицируем себя с той или иной социальной категорией, тем выше мы склонны оценивать совместность будущего. Во-вторых, это механизм социального обмена: общая судьба может формироваться при наличии общих интересов, взаимозависимости в совместной деятельности. В-третьих, это механизм социальной аттракции: в «компаньоны по будущему» мы выбираем тех, кому доверяем и симпатизируем. Результаты нашего исследования подтверждают эти предположения. Оценка общности будущего оказалась прямо связанной с оценкой общности интересов и с уровнем доверия к соответствующим категориям людей.

Еще одним индикатором социально-временной дистанции в межгрупповых отношениях являются *социально-временные стереотипы – представления об отношении к времени в своей и чужой группах*.

Проведенный нами в 2002 г. опрос госслужащих и предпринимателей г. Ярославля (N=30 и N=31), а также опрос жителей г. Ярославль по квотной репрезентативной выборке (N=389), показали, что успешность в управлении своим временем, а также отношение к времени как ценному ресурсу переоцениваются в отношении предпринимателей и недооцениваются в отношении чиновников.

При этом представления друг о друге у самих чиновников и предпринимателей больше всего расходятся в тех чертах, которые отражают специфическую объективную временную организацию государственной службы и предпринимательской деятельности. Таким образом, при стереотипизации в условиях межгрупповой напряженности

искажаются временные характеристики чужой группы, значимые для успешности межгруппового взаимодействия.

Временные авто- и гетеростереотипы выполняют функцию защиты положительной групповой идентичности. Эта функция социально-временных стереотипов проявляется и в представлениях руководителей о типичном отношении к времени в российских организациях, для выявления которых были проведены 10 фокус-групп (N=140) и анкетирование (N=110), в ходе которых руководителям – слушателям бизнес-школ, предлагалось описать типичное, по их мнению, отношение к времени в организациях России и США. Наши исследования показывают, что такие стереотипы обладают высокой согласованностью, неточностью, устойчивостью и носят эмоционально-оценочный характер. Их основными социально-психологическими функциями являются снижение неопределенности (учет временных особенностей своей и чужой групп при планировании деятельности) и поддержание позитивной групповой идентичности.

Раздел III диссертации «**Эмпирическое исследование группового отношения к прошлому и будущему**» включает 6 глав, посвященные исследованию механизмов детерминации групповой временной перспективы.

В главе 9 «**Социально-психологические факторы отношения членов группы к совместному прошлому**» анализируются феномен коллективной памяти (параграф 1), роль обмена опытом в формировании организационной памяти (параграф 2), а также результаты эмпирического исследования отношения к совместному прошлому и обмена опытом в российских организациях (параграф 3).

Коллективная память определяется нами как совокупность представлений об эмоционально значимых событиях прошлого, разделяемых представителями социальной группы, а также систему культурных практик, посредством которых эти представления конструируются в ходе коммуникации, поддерживаются и передаются от старшего поколения к младшему (Bartlett, 1932; Hobsbaum, 1983; Pennebaker, Banasik, 1997; Wertsch, Roediger, 2008; Емельянова, 2007, 2009). Коллективная память в трудовых коллективах организаций приобретает форму *организационной памяти* (Walsh, Ungson, 1991). Основным содержанием коллективной памяти в организациях является совместный опыт, или «*организационные знания*» – сложившаяся на протяжении истории трудового коллектива совокупность индивидуальных, групповых и корпоративных представлений об объекте и участниках совместной деятельности, ее задачах, а также проверенных на опыте способах их решения (Smalla, Sage, 2006; Ходкинсон, Сперроу, 2007).

Проведенный нами анализ зарубежных и отечественных подходов к анализу феномена организационных знаний показывает, что основное внимание уделяется получению и передаче знаний при решении текущих задач совместной деятельности. При этом роль обмена знаниями в формировании отношения группы к совместному прошлому и будущему остается практически не изученной.

Для изучения факторов, влияющих на обмен опытом в организациях, нами в 2009 – 2012 гг. была проведена серия эмпирических исследований, единицей анализа в которых были как компании (N=64; N=12), так и сотрудники (N=614; N=73; N=100; N=172; N=349; N=199).

Значимость коллективного прошлого прямо связана с общностью норм и ценностей, разделяемых сотрудниками, ориентацией на командную работу, и обратно связана с ориентацией на ценности предпринимательской культуры, поощряющей межличностную и межгрупповую конкуренцию в организации. Как оказалось, ценность про-

шлого и обмен опытом прямо связаны с отчетливостью коллективных целей, побуждающих сотрудников обращаться друг к другу и совместно искать решения.

В формировании организационной памяти и отношения к прошлому важную роль играет обмен опытом между сотрудниками, позволяющий согласовать представления о совместном прошлом и опираться на них в текущей совместной деятельности.

Нами эмпирически выделен целый ряд факторов обмена опытом в организации: *личностные* (ориентация на ценности доброжелательности, универсализма и достижения; эмоциональный интеллект, отношение личности к своему собственному прошлому, базовое доверие к людям, сила организационной идентичности), *групповые* (уровень доверия в коллективе, уровень групповой рефлексивности) и *организационные* (характеристики корпоративной культуры). Полученные данные позволяют утверждать, что готовность к обмену опытом в меньшей степени зависит от индивидуально-личностных факторов и в большей степени – от групповых и организационно-психологических.

В главе 10 «Групповая рефлексивность как фактор формирования отношения к коллективному прошлому и будущему» выделяются ключевые особенности групповой рефлексивности как социально-психологического феномена (параграф 1), анализируются основные теоретические подходы к ее изучению в социальной психологии (параграф 2), представлены результаты эмпирического исследования групповой рефлексивности в первичных трудовых коллективах и управленческих командах российских организаций (параграф 3), а также влияния групповой рефлексии на индивидуальную временную перспективу членов группы (параграф 4).

Под групповой рефлексивностью понимается способность группы к анализу опыта своей деятельности, а также определенное отношение к самой рефлексии, в том числе готовность использовать ее результаты в дальнейшей совместной деятельности. В ходе групповой рефлексии участники совместной деятельности оказываются по отношению друг к другу «зеркалами» и «символическими орудиями» самоанализа, выполняют роль «резонаторов», помогая друг другу увидеть себя с точки зрения своей роли в совместной деятельности, зависимости друг от друга в прошлом, настоящем и будущем (Нестик, 2009; Нестик, 2014).

К *социально-психологическим функциям* групповой рефлексивности, на наш взгляд, можно отнести адаптацию группы к изменениям, подготовку к разным формам совместной активности, формирование представлений о других группах и своем положении в системе социальных отношений, поддержание позитивной групповой идентичности, а также освоение группой времени своего существования, то есть формирование коллективной памяти группы и совместного видения будущего.

Можно выделить несколько основных подходов к изучению групповой рефлексивности в организационной психологии: как фактора эффективности совместной деятельности (Tjosvold et al., 2004; West et al., 2004); как способности группы и организации к научению (Арджирис, 2004; Сенге и др., 2003; Kolb, 1984); как совокупности приемов и техник групповой работы, позволяющих анализировать совместный опыт и управлять организационными знаниями (Коллисон, Парселл, 2006; Kerth, 2001; Larsen, 2006); как накопленного коллективом метакогнитивного опыта, уровня коллективной «разумности» (Weick, 1995; Weick, Putnam, 2006; Weick, Roberts, 1993; Weick, Sutcliffe, 2001). Проведенный нами анализ подходов к изучению групповой рефлексивности показывает, что основное внимание исследователи уделяют влиянию рефлексивности на эффективность совместной деятельности. При этом содержание рефлексии сводится исключительно к прошлому и настоящему, тогда как перспективная рефлексивность –

ориентация на совместный анализ будущих возможностей и рисков, - остается мало изученной.

В ходе эмпирического исследования групповой рефлексивности в российских организациях (N = 176) выявлена ее прямая связь с ценностями инновационной культуры, ориентацией на командную работу, уровнем командного и организационного доверия, ориентацией на осуществление организационных изменений. Выявлена связь групповой рефлексивности с типологическими характеристиками организационной культуры.

Опрос российских руководителей среднего и высшего звена позволил установить факторы, влияющие на готовность управленческих команд извлекать уроки из совместного прошлого (N=169), такие как низкая приверженность руководителей своей компании, затрудненность распространения и применения опыта жесткой регламентацией деятельности, отсутствие долгосрочной ориентации при оценке последствий решений, блокирование анализа опыта внутрикорпоративными конфликтами и поиском виновных и др. Наиболее важными предпосылками готовности анализировать совместный опыт в управленческих командах является высокая психологическая значимость как коллективного прошлого, так и совместного будущего, а также социальная интеграция – сплочение и формирование горизонтальных коммуникаций.

Проведенное нами экспериментальное исследование с участием московских студентов (N = 161) свидетельствует о том, что групповое обсуждение совместного прошлого и будущего может оказывать ситуативное влияние на индивидуальную временную перспективу через групповую идентификацию.

В главе 11 **«Образ коллективного будущего как социально-психологический феномен»** дается определение феномена образа коллективного будущего, выделяются его структура, функции и механизмы формирования (параграф 1), рассматриваются личностные, межличностные, групповые, межгрупповые и социетальные факторы его формирования (параграф 2).

Коллективный образ будущего является компонентом групповой временной перспективы и понимается нами как совокупность представлений о будущих процессах и явлениях, разделяемых представителями социальной группы и конструируемых ими в межличностном дискурсе.

В содержании представлений о коллективном будущем можно выделить *пять основных компонентов*: коллективные цели и планы, социальные ожидания, групповые мечты, коллективные страхи, а также коллективные идеалы, т.е. представления о принципиально недостижимом, но желательном для группы развитии событий.

К содержательным характеристикам коллективного образа будущего можно отнести субъектность, то есть веру в способность группы повлиять на свое благосостояние; степень оптимизма в отношении коллективного будущего; относительную сформированность представления о будущем по сферам жизни группы или общества. К его динамическим характеристикам относятся протяженность в будущее; устойчивость к изменениям, происходящим с социальной группой в настоящем; многовариантность, то есть наличие в коллективных представлениях нескольких сценариев развития ситуации.

Выделены социальные функции коллективного образа будущего: идентификационная, консолидирующая, целеобразующая, ценностно-мотивационная, функция поддержания позитивной идентичности, адаптационная.

Можно выделить ряд психологических факторов формирования коллективного образа будущего. К *личностным факторам* относятся выраженность индивидуальной

временной ориентации на будущее, протяженность временной перспективы, уровень тревожности, социальная идентичность, ценностные ориентации, а также ряд когнитивных эффектов прогностической деятельности — сверхоптимизм, самопророчество, стереотипизация отдаленных во времени событий, эвристики доступности и представленности, эффекты «черных лебедей», пренебрежения масштабом риска и др. Среди *межличностных факторов* следует выделить, прежде всего, содержательные и структурные характеристики социальных сетей, в которых осуществляется межличностная коммуникация по поводу будущего. К *групповым факторам* формирования коллективного образа будущего можно отнести целый ряд феноменов, связанных с механизмами внутригруппового социального влияния - в том числе эффекты самосбывающегося пророчества, сдвига к риску и группового мышления. К *межгрупповым факторам* формирования коллективных представлений о будущем относятся: ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, межгрупповые стереотипы и ксенофобия. К *социетальным факторам* формирования коллективного образа будущего относятся прежде всего ценности и нормы, регулирующие отношение к будущему в культуре, а также социально-экономическая ситуация в государстве и мире.

В главе 12 «Лидерский образ будущего и социальная интеграция в организациях» отношение к времени рассматривается как одна из компетенций лидера в современных организациях (параграф 1), анализируется роль лидерского образа будущего организации в управлении совместной деятельностью (параграф 2), описываются результаты эмпирического исследования связи образа будущего у руководителей с рядом других личностных характеристик (параграф 3).

Несмотря на то, что образ будущего играет все более важную роль в процессах лидерства (Shamir et al., 1993; Kouzes, Posner, 1995; Thoms, 2004; Ancona et al., 2007), эмпирические исследования лидерского видения будущего пока немногочисленны.

В ходе эмпирического исследования (N = 200) нами была обнаружена прямая связь между характеристиками лидерского образа будущего (отчетливость видения будущего организации и своей роли в нем, оценка будущего организации, протяженность организационного будущего, ориентация на формирование командного видения), силой организационной идентичности и оценкой уровня внутриорганизационного доверия. Отчетливость образа будущего организации, а также представления о своей роли в будущей организации тесно связаны с ориентацией личности на будущее.

В главе 13 «Социально-психологическая детерминация отношения к совместному будущему у сотрудников российских организаций» анализируются подходы к изучению отношения к будущему в организациях, выделяются его социально-психологические, организационные и институциональные факторы (параграф 1), а также приводятся результаты эмпирического исследования отношения к будущему среди сотрудников организаций и в управленческих командах российских компаний (параграф 2).

Проведенная нами серия эмпирических исследований отношения к будущему своей организации среди рядовых сотрудников и руководителей российских коммерческих организаций (N=169, N=98, N=803), а также учителей общеобразовательных школ (N = 51) позволяет сделать несколько основных выводов.

Ключевую роль в формировании позитивной оценки коллективного будущего играют процессы групповой интеграции: групповая идентификация и внутригрупповое доверие. Уровень социальной интеграции является самым весомым из факторов, влияющих на готовность группы к регулярному анализу долгосрочного будущего.

Данные пошагового регрессионного анализа показывают, что ретроспективная и перспективная рефлексивность, а также протяженность перспективы при организационном планировании являются предикторами экономического успеха ($R = 0,527$; $R^2 = 0,277$; $F = 9,725$ при $p < 0,001$).

Можно выделить три механизма формирования образа коллективного будущего: 1) групповую рефлексивность по поводу совместного будущего; 2) групповую идентификацию на основе формируемого лидерами позитивного образа совместного будущего (лидерского видения); 3) коллективные тревожные состояния и защитные механизмы, запускаемые воспринимаемой угрозой существованию группы.

Если групповая рефлексивность повышает способность управленческой команды адаптироваться к меняющимся условиям (стратегическую гибкость), то групповая идентификация на основе позитивного образа будущего выполняет совсем другую функцию – повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности. Панические и тревожные коллективные состояния, возникающие при дефиците информации и воспринимаемой угрозе существованию трудового коллектива, также способны повышать ориентацию сотрудников на будущее. При этом прошлое противопоставляется будущему, служит членам группы для защиты позитивной самооценки, но не используется для совершенствования совместной деятельности.

Степень внимания членов группы к долгосрочному совместному будущему подкрепляется социальными факторами: организационным, институциональным и культурным контекстом. Сравнение 5 типов организационной временной перспективы, выделенных путем кластерного анализа, выявило связь позитивного отношения членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему (сбалансированная временная перспектива) с ценностью времени как ресурса, уровнем социальной интеграции и оценкой результативности организации.

В главе 14 «Образ коллективного будущего в больших социальных группах» анализируются особенности формирования образа будущего в массовом сознании (параграф 1), а также приводятся результаты двух эмпирических исследований отношения к будущему в больших социальных группах (параграф 2).

Среди важнейших особенностей крупных социальных групп, влияющих на формирование коллективного образа будущего, следует выделить низкую рефлексивность и подверженность массовидным явлениям (слухам, паническим настроениям). Кроме того, в отличие от малых групп, образ будущего здесь конструируется не вокруг коллективных целей, а вокруг позитивных и негативных ожиданий, то есть вероятных событий, на которые невозможно повлиять. Важнейшую роль здесь играют средства массовой информации, привлекающие внимание общества к определенным процессам и явлениям. Содержание представлений о будущем в крупных социальных группах также может быть связано с национальными культурными особенностями и коллективной исторической памятью.

Для изучения отношения к коллективному будущему в больших социальных группах нами были предприняты два эмпирических исследования, участниками которых стали жители г. Казани и г. Москвы ($N=477$), а также студенты московских ВУЗов ($N=1477$). Полученные результаты позволяют сделать несколько выводов.

На индивидуальном уровне социально-психологического анализа важнейшим фактором формирования образа коллективного будущего являются просоциальные, интегративные установки: доброжелательность, толерантность, позитивное отношение к миру, убеждение в его неслучайности и осмысленности событий позволяют людям задумываться об отдаленном коллективном будущем и оптимистически его оценивать.

Выявлена связь представлений о будущем с характеристиками индивидуальной временной перспективы и социальной идентичности.

Степень внимания членов группы к долгосрочному совместному будущему подкрепляется социетальными факторами: уровнем социального доверия, сложившимися в культуре представлениями о предсказуемости и управляемости будущего. Сравнение 5 типов групповой временной перспективы, выделенных путем кластерного анализа, выявило связь позитивного отношения членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему с позитивной этнической и гражданской идентичностью, просоциальными установками и доверием к социальным институтам.

Выявлены различия в содержании и психологических функциях между коллективными страхами и надеждами.

В **Заключении** обсуждены результаты проведенного диссертационного исследования, намечены перспективы дальнейшего изучения феноменов социальной психологии времени и сформулированы **выводы**:

1. Разработана социально-психологическая концепция группового отношения к времени как теоретико-методологическая основа относительно самостоятельного научного направления – «социальной психологии времени». Ключевой проблемой социальной психологии времени являются предпосылки отношения к времени в социальных группах и его роль в межличностном, внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии.

2. Систематизация и обобщение теоретических подходов к изучению группового отношения к времени (в социологии, культурной антропологии, экономических науках и теории организации, социальной психологии), а также результатов эмпирических исследований позволили определить место категории группового отношения к времени в системе понятий, раскрыть его феноменологию, закономерности его структурной организации, социально-психологические функции и механизмы детерминации.

3. Выделены компоненты группового отношения к времени: ценностно-мотивационные (временная ориентация группы, коллективные цели и планы, групповые мечты, групповые темпоральные идеалы, ценность совместного времени), когнитивные (временная перспектива, включающая в себя коллективную память и коллективный образ будущего, представления о природе времени, временная идентичность, групповые представления о временных характеристиках процессов и явлений, временные авто- и гетеростереотипы), аффективные (валентность отношения членов группы к прошлому, настоящему и будущему своей и чужих групп, коллективные переживания по поводу совместного прошлого, коллективные страхи по поводу будущего, удовлетворенность организацией времени как ресурса совместной жизнедеятельности) и конативные (готовность членов группы обмениваться опытом коллективного прошлого, рефлексивность группы в отношении прошлого, настоящего и будущего, групповые нормы использования времени как ресурса совместной деятельности). Выделены индивидуальные, межличностные, групповые, межгрупповые, социетальные и ситуационные факторы группового отношения к времени. Описаны его когнитивные, аффективные и поведенческие механизмы.

4. Для изучения феноменов группового отношения к времени разработан ряд авторских методик: авторская анкета «Временные характеристики организационной культуры», опросник «Временная ориентация организационной культуры», методики «Социально-временная дистанция», «Линия жизни организации», «Ориентация на обмен знаниями», опросник «Групповая рефлексивность».

5. С помощью методов структурного моделирования и регрессионного анализа получены эмпирические доказательства взаимосвязи компонентов структуры группового отношения к времени. Ключевую роль в структуре групповой временной перспективы играют ценностно-мотивационные и конативные ее компоненты. Выделены три механизма формирования групповой временной перспективы: 1) групповая рефлексия; 2) групповая идентификация на основе коллективного прошлого и будущего; 3) коллективные тревожные состояния и защитные механизмы, запускаемые воспринимаемой угрозой существованию группы.

6. Эмпирически подтверждено влияние на характеристики групповой временной перспективы таких социально-психологических феноменов, как социальная интеграция (групповая идентификация, общность ценностей, групповое доверие), групповая рефлексия, коллективные эмоциональные состояния, а также формирование лидерами коллективного видения будущего и характеристики корпоративной культуры. Наиболее важными социально-психологическими факторами отношения к времени как ресурсу являются социальная интеграция (общность ценностей, ориентация на командную работу, сплоченность, доверие), ориентация организационной культуры на клиентов, а также предпринимательские ценности и делегирование полномочий.

7. Установлено влияние компонентов группового отношения к времени на эффективность совместной деятельности и феномены социальной интеграции. Групповое отношение к времени влияет на общую оценку эффективности организации, долю рынка и рост прибыли, качество продукции / услуг, разработку новой продукции и услуг, удовлетворенность сотрудников.

8. Проведен анализ отношения к времени как ресурсу в крупных социально-экономических группах. Выделены основные психологические функции отношения личности и группы к времени в экономической деятельности. При сравнении групп, различающихся по субъективному экономическому статусу, выявлена связь ценности времени как ресурса с субъектностью членов группы, оценкой ими своей способности изменить свое социально-экономическое положение, повлиять на свое будущее.

9. На основе анализа роли временных категорий в процессах межгрупповой дифференциации описан феномен социально-временной дистанции, то есть оценки членами группы социально-временных различий между своей и чужой группами. Выделены виды и эмпирические индикаторы социально-временной дистанции, а также обуславливающие ее социально-психологические механизмы. Эмпирически исследованы социально-временные стереотипы – представления об отношении к времени в своей и чужой группах, выделены их социально-психологические функции.

10. Выделены личностные, групповые и организационные факторы, влияющие на отношение к совместному прошлому и обмен опытом в российских организациях. Проведен теоретико-эмпирический анализ групповой рефлексивности как социально-психологического феномена, выделены ее социально-психологические функции, выделены групповые и организационные факторы групповой рефлексивности в первичных трудовых коллективах и управленческих командах российских организаций. Экспериментально установлено влияние групповой рефлексии на индивидуальную временную перспективу членов группы и его связь с процессами групповой идентификации.

11. Выделены структура, функции и механизмы формирования образа коллективного будущего, проанализированы личностные, межличностные, групповые, межгрупповые и социетальные факторы его формирования. Проанализирована роль управленческого видения будущего в управлении совместной деятельностью. Эмпирически выявлена связь управленческого видения будущего с рядом других индивидуальных и

групповых характеристик (временная перспектива, эмоциональный интеллект, организационное доверие). Эмпирически выделены социально-психологические, организационные и институциональные факторы отношения к будущему в трудовых коллективах.

12. Построена эмпирическая типология групповой временной перспективы в управленческих командах российских организаций, а также в больших социальных группах (на примере отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему у русских и татар). Выявлена связь сбалансированной групповой временной перспективы (позитивное отношение членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему) с оценкой результативности организации, уверенностью членов группы в способности группы влиять на свое будущее, приверженностью и организационным доверием, позитивной групповой идентичностью, просоциальными установками и доверием к социальным институтам.

13. Проанализированы особенности формирования образа будущего в массовом сознании. В ходе эмпирических исследований выявлена связь образа коллективного будущего с особенностями социальной идентичности, а также просоциальными, интегративными установками членов группы. Выявлены социально-психологические функции коллективных страхов и надежд россиян по поводу будущего России.

Основное содержание и результаты диссертации отражены в следующих публикациях

Монографии

1. Отношение к времени в малых группах и организациях. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. — 296 с. (18,5 п.л.).
2. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. — 248 с. (совместно с А.Л. Журавлевым, 14 п.л.).
3. Социальная психология времени — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. — 496 с. (31 п.л.).

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

4. Тема внутреннего слова у Августина: мышление и время // Вопросы философии. № 10. 1998. С. 112-125 (1 п.л.).
5. Бюрократия в зарубежных исследованиях // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С.52-61 (1 п.л.).
6. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12-21 (1 п.л.).
7. Социально-психологический подход к анализу причин терроризма // Конфликтология. 2005. № 5. С. 108-115 (0,5 п.л.).
8. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ (сообщение первое) // Психологический журнал. 2009. Том 30. №1. С. 52-63 (1 п.л.).
9. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ (сообщение второе) // Психологический журнал. 2009. Том 30. №2. С. 29-42 (1 п.л.).
10. Управление совместной деятельностью: новые направления исследований // Психологический журнал. Том 30. № 4. 2009. 5-15 (совместно с А.Л. Журавлевым; 1 п.л.).

11. Обмен знаниями, групповая рефлексивность и корпоративная память как объекты социальной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 5–16 (совместно с А.Л. Журавлевым; 1 п.л.).
 12. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Том 32. № 2. С. 5-24 (совместно с А.Л. Журавлевым и В.А.Сосниным; 2 п.л.).
 13. Формы организации и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 190–196 (совместно с А.Л. Журавлевым; 0,5 п.л.).
 14. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 212-221 (совместно с А.Л. Журавлевым; 0,7 п.л.).
 15. Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Том 32. № 1. С. 3-21 (совместно с А.Л. Журавлевым; 2 п.л.).
 16. Принципы формирования толерантности и управления рисками ксенофобии // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 60-79 (совместно с Г.У.Солдатовой и Л.А. Шайгеровой; 1 п.л.).
 17. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 15-24 (совместно с Г.У.Солдатовой; 1 п.л.).
 18. Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123 (совместно с А.Л. Журавлевым и В.А. Сосниным; 0,7 п.л.).
 19. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Том 33. №4. С. 27-38 (совместно с А.Л. Журавлевым; 1 п.л.).
 20. Метакогнитивные функции персональной социальной сети // Экономические стратегии. 2013. №5. С. 52-57 (0,4 п.л.).
 21. Краудсорсинг как модель управления знаниями: социально-психологические особенности и ограничения // Экономические стратегии. 2014. № 6-7. С. 170-174 (0,4 п.л.).
 22. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3 – 13 (1 п.л.).
 23. Социальная психология времени: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2014. Т. 35. №3. С. 5-19 (1 п.л.).
 24. Отношение к будущему в российских управленческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт // Экономические стратегии. 2014. №2. С. 134–141. (0,7 п.л.).
 25. Социально-психологические барьеры при прогнозировании будущего в российских компаниях // Прикладная юридическая психология. 2014. №2. С. 124-135 (0,6 п.л.).
 26. Структура и детерминация группового отношения к времени в организациях // Прикладная юридическая психология. 2014. №3. С. 61-72 (0,6 п.л.).
- Статьи в научных журналах и сборниках, тезисы докладов**
27. Художественное время в обрядовых текстах: заговоры и спасительные молитвы // Слово как действие. М., Диалог МГУ, 1998. С. 73-77 (0,2 п.л.).

28. Социально-психологические аспекты межгруппового конфликта предпринимателей и чиновников // Психологические исследования управления и предпринимательства. Под. ред. А.Л. Журавлева и Е.В. Шороховой. М.: ИП РАН, 1999. С. 127-145 (совместно с П.Н. Шихиревым; 1 п.л.).
29. Конфликты становления рыночных отношений и предпринимательства // Социальные конфликты в современной России. Монография. М., ИС РАН, 1999. С. 318-360 (совместно с Е.И. Степановым и П.Н.Шихиревым; 3 п.л.).
30. Экономический конфликт в аспекте его нематериальных ресурсов // Современная конфликтология в контексте культуры мира. М., 2001. С. 278-288 (0,1 п.л.).
31. Вечность // Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004 (0,1 п.л.).
32. Объективное и субъективное время как детерминанты конфликтного взаимодействия // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия. Т. 2. СПб., 2004. С. 74-77 (0,1 п.л.).
33. Горизонты управления временем в организации: от личности к группе // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2004. №4. С. 8-20 (1 п.л.).
34. The attitudes toward time: A socio-psychological approach // Abstracts of the XXVIII International Congress of Psychology (Beijing, China, August 8-13, 2004) / Ed. by W. Mou, S. Li, B. Qiu. Beijing, 2004. P. 759. (0,1 п.л.).
35. Объективное и субъективное время в межгрупповых конфликтах // Материалы II Международного конгресса конфликтологов (Санкт-Петербург, 30 сентября -2 октября 2004 г.) М.-СПб., 2005. (0,1 п.л.).
36. Развитие культуры обмена знаниями через социальные сети // Методические и аналитические материалы комитета ТПП РФ по деловой этике. М.: ТПП РФ, 2006. С. 133-145 (0,5 п.л.).
37. Социально-психологические аспекты экономики знаний // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Материалы седьмой научно-практической конференции. Иркутск, БГУЭП, 2006. С. 35-39 (совместно с И.В.Никитенко; 0,1 п.л.).
38. Отношение группы к времени: социально-психологический анализ // Психология отношений человека и психическая регуляция деятельности. Сост. А.Л. Журавлев и В.А. Зубков. М.- Владимир, 2007. С. 42-61 (1 п.л.).
39. Социально-психологические факторы группового отношения к времени // Современная психология: многообразие научного поиска. Под ред. Р.А.Ахмерова, С.П.Дырина, А.Л.Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2007. С. 150-172 (1 п.л.).
40. Социально-психологические аспекты обмена знаниями в организациях // Тенденции развития современной психологической науки. (ИП РАН, 31 января – 1 февраля 2007 г.). Материалы конференции. II том. М.: ИП РАН, 2007. С. 108 – 111 (совместно с И.В.Никитенко; 0,1 п.л.).
41. Индивидуальные различия в отношении к времени и межличностная напряженность в организации // Тенденции развития современной психологической науки. (ИП РАН, 31 января – 1 февраля 2007 г.). Материалы конференции. II том. М.: ИП РАН, 2007. С. 12-15 (совместно с Н.Р.Баимбетовой; 0,1 п.л.).
42. Социальная психология времени: проблематика нового научного направления // Тенденции развития современной психологической науки. (ИП РАН, 31 января – 1 февраля 2007 г.). Материалы конференции. II том. М.: ИП РАН, 2007. С. 104 – 107 (0,1 п.л.).

43. Механизмы легитимации власти в психологическом времени группы // Тетради международного университета в Москве. Сборник научных трудов. Вып. 8: Власть в современной России: сущность и эволюция. М., 2007. С. 191-199 (0,5 п.л.).
44. Ориентация на долгосрочные отношения как характеристика сетей социальной поддержки в молодежной среде // Материалы IV Всероссийского съезда психологов образования России «Психология и современное российское образование» (Москва, 8-12 декабря 2008 г.). Направление III-IV. М., 2008. С. 544-545 (0,1 п.л.).
45. Organizational time perspective and corporate culture // Abstracts of the XXIX International Congress of Psychology (Berlin, Germany, July 20-25, 2008). International Journal of Psychology, June-August 2008, Vol. 43 (0,1 п.л.).
46. Социальные сети // Инновационное развитие. Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 365-386 (1 п.л.).
47. Психологические аспекты управления знаниями // Инновационное развитие. Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. Под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 590-611 (1 п.л.).
48. Отношение к времени как характеристика организационной культуры // Психология отношений: полисистемный субъектно-деятельностный подход. Сост. В.А. Зобков, А.Л. Журавлев, Н.П. Фетискин. М. – Владимир – Кострома: ВГУ, 2009. С. 97-120 (1 п.л.).
49. Полихронность как характеристика отношения личности к времени // Психология человека в современном мире. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. М.: ИП РАН, 2009. С. 340-344 (0,2 п.л.).
50. Отношение к деньгам и времени как проявление субъектности личности // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Материалы десятой юбилейной международной научно-практической конференции / под общ.ред. А.Д.Карнышева. Иркутск, 2009. С. 93-97 (0,2 п.л.).
51. Отношение сотрудников к времени в организациях с различной организационной культурой // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (12-13 февраля 2009 г.). М.: ИП РАН, 2009. С. 133-147 (0,5 п.л.).
52. Знания и обмен ими как социально-психологические феномены // Психология XXI столетия: теория, эксперимент, социальная практика. Отв. ред., сост. А.Л. Журавлев, Н.П. Фетискин, Т.И. Миронова. Том. 2. М.-Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. С. 133-139 (совместно с А.Л.Журавлевым и И.В.Никитенко; 0,25 п.л.).
53. Психологические особенности совместной деятельности в условиях дефицита времени // Психология XXI столетия: теория, эксперимент, социальная практика. Отв. ред., сост. А.Л. Журавлев, Н.П. Фетискин, Т.И. Миронова. Том. 2. М.-Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. С. 139 – 144 (совместно с А.Л.Журавлевым; 0,25 п.л.).
54. Формирование социального капитала молодежи как фактор оздоровления российского общества // Материалы научно-практических мероприятий V Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». Том 4. Здоровье нации и образование. М., 2009. С. 112-154 (совместно с Г.У. Солдатовой и Е.В. Филилеевой; 2,5 п.л.).
55. Психологические особенности отношения руководителей к будущему своей организации // Психология человека в современном мире. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. М.: ИП РАН, 2009. С. 344-348 (совместно с Е.В.Жуковой; 0,1 п.л.).

56. Видение будущего как лидерская компетенция и его связь с временной перспективой личности // Психологические и педагогические аспекты формирования профессиональной и социальной компетентности. Материалы международной научно-практической конференции (Иваново, 13 – 14 ноября 2009 г.). Иваново, 2009. С. 85-89 (0,1 п.л.).
57. Управление совместной деятельностью в зарубежной психологии: тенденции и перспективы исследований // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики, 2009, № 1. С. 3-30 (совместно с А.Л.Журавлевым; 2 п.л.).
58. Психологические особенности управления совместной деятельностью в условиях неопределенности // Актуальные проблемы психологии, социологии и управления: сборник научных статей. Под ред. Г.С.Прыгина. Набережные Челны: Институт Управления, 2009. С. 21-45 (совместно с А.Л.Журавлевым; 1 п.л.).
59. Управление совместной деятельностью: новые направления исследований в зарубежной психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 1. Под ред. В.А.Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2009. С. 15-37 (совместно с А.Л.Журавлевым; 1 п.л.).
60. Особенности отношения к времени у российских руководителей // Социальная психология труда. Под ред. Л.Г. Дикой и А.Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2010. С. 379–396 (1 п.л.).
61. Отношение личности к времени и формирование социального капитала в молодежной среде // Психология образования: психологическое обеспечение «новой школы». Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. М., 2010. С. 345-346 (0,1 п.л.).
62. Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу // Образовательная политика. № 7–8 (45–46). 2010. С. 19-30 (1 п.л.).
63. Психология совместного творчества и инновации в современной организации // Вестник практической психологии образования. 2010. №4 (25). С. 17-23 (совместно с А.Л.Журавлевым; 1 п.л.).
64. Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности // Социальная психология труда. Под ред. Л.Г. Дикой и А.Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2010. С. 91-114 (совместно с А.Л.Журавлевым; 1 п.л.).
65. Совместное творчество: состояние и перспективы исследования // Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М.А. Холодная, Д.В. Ушаков, Т.В. Галкина и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 309–320 (совместно с А.Л.Журавлевым; 1 п.л.).
66. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // Образовательная политика. 2010. № 4 (42). С.10–29 (совместно с Г.У. Солдатовой; 1 п.л.).
67. Знания, групповая рефлексия и корпоративная память как объект социальной и организационной психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2. / Под ред. В.А.Бодрова, А.Л. Журавлева. – М.: ИП РАН, 2011. С. 577–597 (совместно с А.Л.Журавлевым; 1,5 п.л.).
68. Управленческое видение и временная перспектива руководителей // Актуальные вопросы современной психологии: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.). / Под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 28-31 (совместно с Е.В. Жуковой; 0,1 п.л.).
69. Коллективный образ будущего и временная перспектива группы как социально-психологические феномены // Малая группа как объект и субъект психологического

- влияния. Ч.2. / Под общ. ред. А.С. Чернышева. Курск: Курск. гос. ун-т., 2011. С. 96-100. (0,2 п.л.).
70. Коллективный образ будущего и социальная интеграция в молодежной среде // Психология образования: Детство как стратегический ресурс развития общества. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. М.: "Общероссийская общественная организация "Федерация психологов образования России", 2011. С. 214-216 (0,2 п.л.).
 71. Отношение личности ко времени и экономическое поведение // Культура и экономическое поведение: Сборник научных статей / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Таттарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 166-189 (2 п.л.).
 72. Психологическое время руководителей: отношение к будущему организации и полихронность // Психологические проблемы современного бизнеса / Под ред. В.А. Штроо, Н.Л. Ивановой, Н.В. Антоновой. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2011. С.198-215 (1 п.л.).
 73. Психологические проблемы обмена знаниями в организациях // Наука. Культура. Общество. 2011. № 2. С. 34-42 (совместно с А.Л.Журавлевым; 0,5 п.л.).
 74. Групповая рефлексивность как социально-психологический феномен // Рефлексивные процессы и управление. Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2011. С. 99-102 (совместно с А.Л.Журавлевым; 0,25 п.л.).
 75. Методология социального конструирования толерантности и управления рисками ксенофобии в многополярном мире // Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска / [Ю. П. Зинченко и др. ; Федер. гос. учреждение "Межведомств. аналит. центр соц. инноваций Федер. агентства по здравоохранению и соц. развитию"; под ред. Ю. П. Зинченко, А. В. Логинова]. - Москва : ФИРО, 2011. С. 15-124 (совместно с Г.У. Солдатовой, М.Б. Хомяковым и Л.А. Шайгеровой; 4 п.л.).
 76. Роль коллективного образа будущего в преодолении ксенофобии // Научные материалы V Съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество» (Москва, 14–18 февраля 2012 года). Том III. М.: 2012. С. 430-431 (0,1 п.л.).
 77. Внутригрупповые и организационные факторы совместного творчества // Вестник практической психологии образования. 2011. №1. С. С. 55-61 (совместно с А.Л.Журавлевым; 1 п.л.).
 78. Социально-психологические факторы формирования коллективного образа экономического будущего // Человек в экономических и социальных отношениях: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, Л. Н. Широкова - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 85-88 (0,25 п.л.).
 79. Психология управления знаниями: состояние и перспективные направления исследований // Психологические проблемы современного российского общества. Отв. ред. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 293-314 (совместно с А.Л.Журавлевым; 1 п.л.).
 80. Инновационные команды и сообщества в современных организациях // Инновационные технологии управления человеческими ресурсами. Под ред. Е.С. Яхонтовой. М: МЭСИ, 2012. С. 113-120 (1 п.л.).
 81. Time perspective and employee's attitudes toward organizational past and future // Abstracts of the 1st International Conference on Time Perspective: converging paths in psychology time theory and research. Ed. by M.P.Paixão,V.E.C. Ortuño, P. Cordeiro, D. Rute. Coimbra: Espaço-Branco, 2012. P. 143.

82. Образ совместного будущего в педагогических коллективах с разным уровнем рефлексивности // Социально-экономические и психологические проблемы управления / Под общей ред. М.Г. Ковтунович. Часть 2. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. С. 285-290 (совместно с А.Е.Митькиной; 0,4 п.л.).
83. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ // Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 32-53 (1 п.л.).
84. Модели управления знаниями в российских организациях: социально психологический анализ // Социально-экономические и психологические проблемы управления / Под общей ред. М.Г. Ковтунович. Часть 2. М.: МГППУ, 2013. С. 245-259 (0,5 п.л.).
85. Персональный социальный капитал, доверие и социально-психологические характеристики личности // Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. — М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013. С. 245-263 (совместно с И.А. Соломаха; 1 п.л.).
86. Социально-психологическая детерминация отношения к совместному будущему у сотрудников российских организаций [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 2-41. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 1.07.2014; 2 п.л.).
87. Роль доверия в анализе совместного опыта и формировании долгосрочной ориентации организации // Психология общения и доверия: теория и практика. М.: Университет РАО, 2014. С. 541-543 (0,3 п.л.).
88. Групповые факторы обмена знаниями в российских организациях // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 158-163 (0,5 п.л.).
89. Group reflexivity and foresight in managerial teams of Russian companies // 28th International Congress of Applied Psychology, 8-13 July 2014. Abstract DIV01-OC24003 (0,07 п.л.).
90. Attitudes toward future among managers in Russian companies // Abstracts of the 2nd International Conference on Time Perspective (ICTP). 29th July - 1st August 2014, Warsaw, 2014. P. 185. (0,07 п.л.).
91. Organizational future orientation: a sociopsychological approach // Proceedings of the Business Systems Laboratory 3rd International Symposium “Advances in Business Management. Towards Systemic Approach”. Book of abstracts. Ed. by G. Dominici. Perugia, 2014. P. 121-124. URL: <http://bslab-symposium.net/> (дата обращения: 30.12.2014; 0,2 п.л.).